

Василий Васильевич
БОЛОТОВ

(Биографический очерк)

---

*(С приложением двух портретов: Вас. Вас. и его матери
и двух факсимиле)*

М. Рубцова

(Издание Тверской Ученой Архивной Коммисии)

ТВЕРЬ

Типо-Литография Н. М. Родионова
1900 г.

Василий Коромов

М. У. Коромова,

Предисловие

Условия и среда, при которых образовался ум и характер, и вообще нравственный облик человека, приобретшего впоследствии выдающуюся известность в области науки, без сомнения, имеют глубокий общественный интерес и значение.

Пишущий эти строки, имевший счастье быть товарищем Василия Васильевича Болотова и пользоваться его личным расположением, счел своим долгом собрать и привести в систему все, что ему известно из фактов его жизни, как на основании своих личных воспоминаний и впечатлений, так и на основании сведений других лиц, близко знавших почившего (его земляков, товарищей и друзей).

Автор не задается целью дать оценку научных трудов почившего профессора, равно как и – указать сделанные им открытия в области его специальности, потому что это – работа, которая по своей обширности и специальности, требует соответствующих знаний, а главное – достаточного количества времени для своего выполнения (в этом отношении автор ограничится только тем, что сказано его коллегами-профессорами); задача его гораздо скромнее и уже: внимание его будет сосредоточено главным образом на фактах его домашней и школьной жизни в различные ее периоды, и на условиях, способствовавших образованию этого исключительного ума и характера.

Сознавая все трудности и ответственность взятой на себя задачи, автор употребил все старания, чтобы все сообщаемые факты были точны, проверены, исходили из источников самых достоверных, и чтобы все они были чужды всякой сторонней окраски, вызываемой субъективным настроением лица, их передающего. Для достижения последней цели автор старался везде, где только это было возможно, передавать их собственными словами Василия Васильевича (на основании писем его к матери и друзьям). Насколько все это ему удалось, – конечно, судить не ему. Задача его в этом отношении однако значительно облегчалась тем обстоятельством, что личность Василия Васильевича представляет из себя столь редкостноцелостное и гармоническое сочетание выдающихся умственных и нравственных качеств, что биографу его совершенно не приходится о чем либо умалчивать (по анти-историческому правилу: *de mortuis aut bene, aut nihil*), или переиначивать, придавая фактам или событиям не ту окраску, какую они имели в действительности; наоборот, о Василии Васильевиче можно говорить решительно все, не боясь набросить тени ни на него самого, ни на других лиц, входивших с ним в соприкосновение. Это был такой редкий воплотитель в своих словах и делах и во всей своей жизни истины, правды и добра, что в отношении к нему историку вполне возможно применить другое правило: *on ne doit aux morts que la vérité*.

В заключение, автор считает нравственно своею обязанностью выразить свою

глубокую признательность всем лицам, оказавшим ему содействие в деле собрания биографических фактов и их проверки, в особенности же друзьям почившего.

Автор

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Страницы
I. Родители Василия Васильевича, детство его и воспитание	x
II. Осташковское духовное училище	x
III. Тверская духовная Семинария начала семидесятых годов	x
IV. Василий Васильевич – студент С.-Петербургской духовной Академии	x
V. Василий Васильевич – профессор и ученый	x
VI. Василий Васильевич – в частной жизни	x
VII. Болезнь Василия Васильевича, последние дни его жизни и кончина	x
Приложение	x

Василий Васильевич Болотов

«Ut enim quisque sibi plurimum confidit et ut quisque maxime virtute et sapientia sic minutus est, ut nullo egeat, suaque omnia in se ipso posita judicet, ita in amicitiiis colendis maxime excellit.»

«Admiratione quadam virtutis et sapientiae ejus dilexi eum.»

Cic. Lael.

5 апреля 1900 года, в 7 часов вечера, после непродолжительной болезни, тихо скончался в С.-Петербурге, на руках своих друзей, один из великих представителей церковно-исторического и богословского знания, – профессор С.-Петербургской Духовной Академии, Василий Васильевич Волотов.

Личность почившего можно охарактеризовать немногими словами: это была могучая, богато одаренная натура, в которой колоссальная многосторонняя ученость, сочетавшись с величайшей чистотой его сердца, «чуждого всякого тщеславия в отношении к себе и всякого лицепрятия в отношении других», и – с безконечною преданностью науке и своему долгу, образовали, вместе взятые, ту исключительную личность, которая, по выражению ректора С.-Петербургской Духовной Академии, епископа Бориса, (в речи при погребении), представляет «великую редкость не только у нас в России, но и на Западе».

I.

Родители Василия Васильевича, его детство и воспитание

Василий Васильевич был сын дьячка Осташковского Троицкого собора Василия Тимофеевича Болотова. Из отличительных особенностей отца Василия Васильевича указывают на то, что он был большой любитель чтения свято-отеческих творений и знаток их. Хозяйство его было небольшое, и его, вместе с ничтожными церковными доходами, едва хватало на содержание семьи. На 45-м году своей жизни он, уже будучи вдовцом, снова женился на Марии Ивановне Вишняковой, родом из села Кравотыни, Осташковского уезда, дочери священника. Но не долго он прожил со второю женою: в Ноябре 1853 года он утонул в озере Селигере, отправившись по осеннему тонкому льду загонять своих домашних гусей.

Марья Ивановна жила с мужем всего только несколько месяцев. После его смерти она поспешила вернуться в Кравотынь, к своей матери, также вдове, и здесь чрез 1½

месяца по смерти мужа, 31 декабря 1853 года, родила сына, которого в крещении назвали Василием.

Бедность, присущая изстари нашей духовной среде, встретила Василия Васильевича с самых первых дней его жизни. Марья Ивановна средств к жизни не имела никаких. Имущество мужа ей пришлось разделить на три части с детьми от первого брака, и на долю Василия Васильевича досталось всего только 40 руб., которые и были положены в банк, но которые, не смотря на усердные просьбы матери, не были выданы ей в помощь даже и в то время, когда Василий Васильевич уже обучался в Семинарии, терпя значительную нужду. Она содержала его исключительно своими трудами, занимаясь шитьем платья для крестьян и просфоропечением для церкви села Кравотыни.

Марья Ивановна была замечательно редкая женщина: она сама собою выучилась еще в детстве читать и писать, – что в те времена было большою редкостью; она же сама познакомила с начальной грамотой и своего «сынушку», или «Васильюшку» – как она обыкновенно называла его дома. Марья Ивановна постоянно сама писала письма Василию Васильевичу, обыкновенным, довольно красивым, почерком, и имела обыкновение, – с тех из них, которые казались ей наиболее важными, списывать копии, на случай потери подлинных. Временами она давала прочитывать их и другим, близким к ней лицам. Только двухлетняя предсмертная болезнь лишила ее этого занятия и удовольствия, и в это время, по желанию Василия Васильевича, посредником между матерью и сыном сделался местный священник Никанор Михайлович Верзин; он и письма писал Василию Васильевичу от лица матери и письма его читал ей.

Свободное от дневных трудов, время праздничное, после службы Марья Ивановна посвящала чтению книг; любила слушать и чтение других из читанного почти все сохранялось в ее памяти. Она читала часослов, псалтирь и евангелие и знала наизусть много мест из названных книг; знала хорошо святцы. «Когда я был еще учителем земской школы в деревне Песках, в 6-ти верстах от Кравотыни, рассказывает Михаил Александрович Рязанцев ¹⁾, я часто гащивал у ней, и, сидя за столом и держа в руках месяцеслов, не раз из любопытства экзаменовал ее: «Марья Ивановна, а каких святых память празднует св. церковь такого-то числа и месяца?» И Марья Ивановна на все подобные вопросы отвечала верно, перечисляя подробно святых в том порядке, как имена их напечатаны в Синодальном месяцеслов. Необыкновенная память матери Василия Васильевича подтверждается свидетельством другого лица: вышеупомянутого священника Никанора Михайловича Верзина, который говорит, что мать Василия Васильевича «все слышанное ею в разное время передавала всегда с буквальнойю

---

¹ Ныне диакон села Березовского-Рядка, Осташковского уезда.

точностию. Она не могла ничего забыть.» И эта черта, как увидим впоследствии, была вполне унаследована Василием Васильевичем, который тоже никогда ничего не забывал из того, что хотя-бы однажды попало в его сознание... Для удовлетворения жажды чтения, Василий Васильевич, когда сделался профессором, постоянно привозил своей матери различные книги, как напр., «Жития святых» с рисунками Солнцева, изд. Тузова, в 2-х томах, «Троицкие листки» и «Душеполезное чтение» за несколько годов. Все это она прочитывала с большим интересом. Когда, в годах преклонных, ей стало изменять зрение, и чтение, даже при помощи очков, становилось затруднительным, она с удовольствием и благодарностию слушала чтение книг, журналов и газет другими.

Марья Ивановна, схоронив свою мать, осталась одна с своим сыном и жила одинокою до самой своей смерти.

Во все время, пока учился Василий Васильевич, Марья Ивановна, кроме грошовых доходов от шитья разных вещей для крестьянок, просфоропечения, за которые она получала не свыше 10 руб. в год и еще 5 руб. пособия из епархиального попечительства, никаких других доходов не имела. На эти средства она содержалась с сыном и находила еще возможность каждому из нищей братии уделять по грошику, никого не отпуская без подачки. У ней все было купленное, кроме молока, яиц, дров и еще кое-каких других мелочей, приносимых местными крестьянами в благодарность и плату за шитье. Не смотря на свою бедность у Марьи Ивановны на каждый воскресный и праздничный день с вечера горела лампада пред иконами. Положение ея существенно улучшилось, когда Василий Васильевич сделался профессором: ей уже не было надобности трудиться ради куска насущного хлеба. У Марьи Ивановны с сыном каждый день начинался и оканчивался усердной молитвой с земными поклонами. Учился грамот Вас. Вас. сначала у матери, а потом в сельском училище. Не мудрое учение даровитому мальчику доставалось очень легко; свободное от приготовления уроков время он проводил в чтении и письме, разговорах с матерью и различных домашних услугах ей. Мать и сын никогда и никого не осуждали, не бранили, не упрекали, и не называли никаким неодобрительным именем, а к порокам и недостаткам людей относились с сожалением. В них всегда царил дух мира, любви и мудрости. Марья Ивановна с сыном пред началом и окончанием всякого дела осеняли себя крестным знаменем, сохраняли строгий пост даже в болезни, воздержание от чая до обедни в праздники, – что конечно развивало в малютке добрые навыки, положившие прочный фундамент для его будущей собственной религиозной настроенности.

Характером своих детских игр Вас. Вас. выделялся из своих сверстников. Например, он строил пещеры, которые должны были изображать монастырь, а их детская компания изображала монахов, причем Вася Болотов накрывшись белым полотенцем изображал настоятеля монастыря. Из более позднего детства рассказывают о постройке им вместе с сверстниками маленькой церкви, материалом для которой

послужил кирпичь, заготовленный для потребностей настоящей церкви в селе. Маленькую церковь дети скоро построили. Но вот беда: где взять икон? После достаточного размышления и совета с товарищами мальчик Василий Болотов взялся сам нарисовать икону Спасителя и чрез несколько времени действительно нарисовал ее. Как нарисовал, это другой вопрос, но дело в том, что мальчик взялся это сделать и сделал. Вообще же, в детстве Василий Васильевич не отличался особенною общительностью и мало принимал участия в играх и забавах. Мать бывало, скажет ему: «Васильюшка, что же ты не сходишь к мальчишкам?» «А что же мне с ними делать?» – ответит В. Болотов. На улице его видали редко. Сверстники его жили в так называемому в сели «Поповском краю», за церковною оградю, на берегу озера Селигера. Здесь Василия Васильевича можно было видеть в хорошие летние вечера праздничных дней и то на непродолжительное время. Обыкновенным же времяпровождением его было чтение книг, какия только можно было достать дома у матери, у священника и в сельской школе.

II.

Осташковское Духовное училище

В 1863 году девятилетний мальчик Василий Болотов поступил в низший класс Осташковского духовного училища, и «по сиротству был принят на третий оклад пособия, а в первой половине 1866 года возведен на первый оклад.»²⁾

Условия жизни в городе, конечно были не те же, что были в деревне и они конечно должны были так или иначе отразиться на мальчике. Но жизнь наших уездных городов, в особенности удаленных от удобных путей сообщения, так проста и патриархальна, что едва-ли в условиях новой обстановки Вас. Вас. возможно отыскивать что либо такое, что более или менее заметно повлияло на умонастроение отрока.

Постановка обучения в училище, как это видно из отчета смотрителя училища за 1869 год, была следующая:

«Все наставники училища по мере сил и возможности старались о возвышении успехов учеников в изучаемых ими предметах. Дабы дело преподавания шло правильно, наставники старались сообщать ученикам преподаваемые ими предметы в таком объеме и таким образом, чтобы преподавание их действительно служило для образования учащихся. Для достижения сей цели учебные предметы они постоянно

---

²⁾ Архив Тверской Семинарии. Книга 12, № 23 – 1869 г. Младший оклад равнялся 20 рублям, а старший 24 – в год.

преподавали наглядно и притом соединяли по возможности теоретическое обучение с соответствующими практическими упражнениями. Самый метод преподавания был употребляем ими элементарный ³), то есть, наглядный, разумно-развивательный, вызывающий постоянно самостоятельное мышление и деятельность учеников, а не заставляющий их заучивать только на память».

«Приемы, употребляемые наставниками при преподавании учебных предметов состояли вообще в простом, ясном и наглядном объяснении уроков и потом в катихизации об уроке объясненном. В состав катихизации входили: 1) вопросы испытательные, 2) вопросы, наводящие ученика на верное представление, понятие или суждение, и 3) положительные объяснения. В частности, – по катихизису, – истины св. веры были сообщаемы им в простых беседах, соответствующих детскому их понятию; – по нотному пению, кроме упражнений по обиходу, ученики были ознакомливаемы с простым церковным пением, а наставники заботились о развитии в них слуха и вкуса к пению; – по русской истории простой, ясный и живой рассказ наставника руководил учеников к пониманию жизни русского народа...; – изучение уроков по географии было сопровождаемо объяснениями, при посредстве глобуса, относительного положения материков и приискиванием по картам простым и немым; – по арифметике ученики путем эвристическим были руководимы к разумному пониманию арифметических действий, переходя от элементарного к научному и недовольствуясь одною только наружною научною формою; – по славянскому языку ученики были постоянно упражняемы в переводе со славянского языка на русский церковных молитв, тропарей, песней и пр.; – изучение русского языка было соединяемо с упражнением учеников в правильном и выразительном чтении, в письме под диктовку, в этимологическом и синтаксическом разборе слов и пр.; – изучение латинского и греческого языков было соединяемо с переводом на бумаге и классной доске с рус. языка на лат. и греч. и наоборот кратких предложений и полных речей; переводы были соединяемы с филологическим и синтаксическим разбором слов». Из того же документа видно, что в ученической библиотеке, за исключением кое каких духовных журналов, напр. «Духовной Беседы» и отрывочных сочинений по предметам богословским, высланных в разное время семинарским правлением «почти совсем не было книг для чтения учеников», но что не смотря на это, «вопросов об улучшении учебной части в училище в течение (отчетного) года никаких не было возбуждено в училищном правлении» ⁴).

Такия условия учебной обстановки если и не особенно содействовали быстрому развитию В. Б., то с другой стороны и не препятствовали ему быть тем, чем он был, т.

---

³ В подлинном пишется везде элементарный.

е. тем же талантливым, трудолюбивым и чрезвычайно добрым и скромным мальчиком.

Поступление учеников в училище и тогда, как и теперь, начиналось приемными экзаменами, производившимися смотрителем училища. Эту почетную должность занимал тогда кандидат богословия, священник Преображенской церкви, а впоследствии протоиерей Троицкого собора о. И. П. Салтыков. Он, испытывая худощавого, смуглого и невзрачного мальчика Болотова, был поражен его разумными, толковыми и смелыми ответами и спросил «какая тебе фамилия?» «Болотов», – ответил мальчик. «Ну братец, тебе надо бы дать фамилию Озеров, а не Болотов!» Этим он конечно хотел указать на обширность его духовных дарований.

Во время своего пребывания в училище В. В. учился по всем предметам отлично, удивляя наставников своею необыкновенною памятью, знанием священного писания и творений Св. Отцев. Он был мальчик довольно живой и даже немного шалун, но совершенно по детски. К товарищам он был внимателен, помогая им объяснением уроков и ко всем дружелюбен: никто не запомнит, чтобы он кого либо обидел; всегда был занят делом и мало выходил на училищный двор, чтобы поиграть с товарищами; для начальства же и учителей он был краскою и гордостью, в особенности при посещении училища архиереем и на публичных экзаменах.

На этих последних он удивлял всех слушавших его основательными и умными не по летам, ответами.

Против здания духовного училища была мелочная лавка и ученики училища часто посещали ее. Однажды, после пасхальных каникул в лавку пришел Болотов, в то время, кажется, ученик 2-го класса. В лавке был в эту минуту учитель училища о. Лев Преображенский, ныне умерший. Этот последний заговорил с Болотовым:

- А, Болотов! Ну чтоже ты на Пасхе делал, – звонил?
- Нет, не звонил, – застенчиво отвечал мальчик.
- Так что-же, – яйца катал?
- Нет не катал.
- Так чем же ты занимался?
- Книжку читал! – наконец решился открыть свой секрет мальчик.
- Какую?
- Спор Иустина философа с Трифоном Иудеем.
- О чем же они спорили? – удивленно спросил учитель.

---

⁴ Семинарский архив. Дело № 1. кн. 1 за 1869 г. § 10 и друг.

Тут Болотов, тем же застенчивым тоном, но совершенно спокойно и серьезно изложил ему содержание прочитанной книги. Серьезность мальчика обратила на себя внимание и другого Осташковского учителя, знаменитого впоследствии местного археолога, Владимира Петровича Успенского, († 29 декабря 1894 г.), который в разговоре с своими учениками об усердии к ученью и преданности ему, однажды сказал: «Я знаю только одного искренно любящего ученье и преданного ему, – это Василий Болотов.»⁵)

Весь шестилетний курс в училище он простоял на одной сырой, тесной, грязной и богатой миазмами и насекомыми квартире, пользуясь от училищного правления пособием на свое содержание не свыше 24 руб. в год. Квартира его находилась близ Синицыной площади, в доме соборной дьячихи вдовы, окнами во двор и огород. Дом этот находился на самой грязной улице, для осушения которой были проведены канавы, редко высыхавшие и наполненные гнилой и затхлой водой. Рядом с квартирой В. Болотова, помещалась в наемном доме еврейская молельня, в которой жил еврей резак и учитель еврейских детей. М. А. Рязанцев, друг Вас. Васильевича, рассказывающий нам эти подробности, жил неподалеку от него, в другом квартале. «Мы часто, говорит он, особенно весною, по окончании уроков и в экзамены, ходили смотреть на еврейские моленья, а иногда и шаливали с их детьми. Здесь и от них, Вас. Васильевич в первый раз познакомился с еврейским книжным языком и выучился на нем читать и писать».

Со времени отправления сына в город, в училище, любовь к нему его матери, Марьи Ивановны, как будто еще больше усилилась. По крайней мере нельзя без удивления и в некоторой степени даже восторга слушать рассказы очевидца о ее хлопотах и необыкновенной заботливости по доставке сына с каникул в город и обратно, в летнее и зимнее время. «Когда нужно было отправлять сына в духовное училище, она зажигала лампаду, садилась с сынком на лавку и со слезами на глазах усердно молилась коленопреклоненно Богу о даровании сыну здоровья, сил и премудрости....

Не имея средств нанять лодку (это – единственный способ сообщения Кравотыни с Осташковом: летом 15 верст по озеру, а кругом, сухим путем, до 30), она пускалась в путь пешком на Нилову пустынь, в 6-ти верстах от села, на запад. Мальчик всегда шел впереди матери, летом босой, по сыпучему песку, неся под мышкой свои сапоги. Мать, когда замечала чувствуемую сыном усталость, брала его «на-кошелки» и так несла версту, две. В Ниловой пустыни она просила о. архимандрита или казначея довести сына до города на пароходе или в лодке, вместе с богомольцами, которых в те времена, по будничным дням, возили монастырские рабочие, под управлением послушника

---

⁵ С Василием Васильевичем впоследствии Владимир Петрович имел совещания и даже переписку по

кассира.

Еще замечательнее был способ доставления Марьей Ивановной сына в училище и обратно в зимнее время. Представьте себе такую картинку, говорит вышеупомянутый М. А. Р., вполне достойную кисти художника: «туманное зимнее утро с трескучим морозом; заря только занимается; деревья покрыты пышными кистями инея; природа еще не пробудилась от ночного сна и на дороге никого не видно. Вдали показалась чья-то человеческая фигура. Всматриваешься пристальнее и видишь женщину, одетую в легкую заячью шубу, с рукавичками своего шитья на руках, которая за собою везет дранчатые саночки с какою-то кладью. Что за кладь? Оказывается – мальчик, крепко закутанный в одеяла и прячащий от мороза свое личико... Мать – возница спешит вперед, чтобы поспеть во время на место... Случалось Марью Ивановну догонял знакомый крестьянин, ехавший с рыбою в город, предлагал ей сесть на дровни и она садилась, держа в руках воровочку от санок с сыном»...

III.

Тверская духовная Семинария начала 70-х годов

15-ти лет Вас. Васильевич окончил учение в Осташковском духовном училище и получил «свидетельство», в котором значилось, что он, Болотов, «поступив в училище в 1863 году, обучался в оном, при способностях отлично хороших, прилежании отлично ревностном и поведении отлично хорошем» всем предметам, проходимым в училище, «отлично хорошо», кроме церковного пения, по которому обучался «весьма хорошо». ⁶) С этим «свидетельством» в Сентябре 1869 года он поступил в Тверскую духовную семинарию, и, как сирота, был принят на казенное содержание в тогдашнюю не совсем чистую и опрятную бурсу.

В семинарском общежитии или, как оно тогда называлось, – бурсе – проживало обыкновенно от 65-80 человек, все же остальные (более 500) воспитанники проживали на 150 вольных квартирах во всех четырех частях города, – Городской, Заволжской, Затверецкой и Затьмацкой. Бурсаки размещены были «в семи комнатах и притом так, что три больших комнаты были отделены для занятий, а четыре для спален». «Столовая была особая».

Помещения для учеников «были ветхи, сыры и недостаточно теплы и без теплых

вопросам местной археологии.

⁶ Свидетельство подписано Смотрителем, протоиереем, кандидатом И. Салтыковым, Помощ. смотр. студентом В. Мелидинским, учителем студентом И. Сперанским, Преображенской церкви свящ. И.

корридоров; умывальная комната была холодная. Почти в таком же помещении находилась и семинарская больница»⁷).

Тогдашние порядки в семинарском корпусе и вообще житье-бытье прекрасно характеризует один из друзей Василия Васильевича. Описывая начало своего знакомства с ним, он говорит: «Вася обратил на меня внимание из-за силы, каковою я иногда злоупотреблял в ущерб товарищам и казенным койкам; с товарищами хотя и не дрался, а уж если кто мне очень надосадует, возьму его в охапку и потолкаю о койку, или о парту. Случай же с моею койкою меня с ним окончательно сблизил: как-то нас повар Артемий накормил сырым и тухлым обедом, а Макар – хлебник – сырым хлебом (доносить эконому в наше время было немислимо: это равнялось возмущению и донесший и его клеветы подлежали бы изгнанию из корпуса). Пришли мы в спальню голодные и начали вымещать свою досаду на казенных вещах... От меня, между прочим, очень пострадала моя железная койка, которую я без всяких инструментов всю исковеркал, потом связал бичевой и пользовался до вакации... Видит Вася, что во мне есть сила и стал помогать мне знанием языков, – переводом. Он пользовался мною как тараном, а я им как знатоком и первое, что мы согласились делать вместе, это пить вместе чай. Кипяток для чая добывался иногда не без труда: на кухне грелся небольшой куб, около которого постоянно была толпа бурсаков, желавших раздобыть погорячее воды. Кто половчее и посильнее, добывал, а менее ловким и сильным случалось остаться и без воды. Я ходил за водою, а Вася был моим экономом: положит, бывало, три чайники в чайник, – и не видать их! Чтобы чай лучше разошелся, старались воспользоваться верхним отверстием куба, из которого шел пар, и ставили на него чайник». О последнем обстоятельстве вспоминает и сам Вас. В-ч в одном из своих писем к этому товарищу: «Эти строки пишет.. Ваш однокашник по великой «крепкостенной» бурсе, Тверской духовной Семинарии после вечерняго чая, из иудейского жестяного самоваро-кофейника, который приходится «братом младшим» тому кофейнику, который по Вашему соизволению для нас *и парился, и жарился*». Продолжая воспоминания, то же лицо прибавляет: «сахару всегда выдаст один маленький кусочек: пей сколько хочешь, а больше не даст, – лучше не проси!» Бедность, таким образом, была спутницей Василия Васильевича и в средней школе. Убожество и скудость тогдашней бурсы были так значительны, что и сам Вас. В-ч вспоминает о них в письме к тому-же товарищу в характерных выражениях: «припомните-ка, говорит он, как бывало в шутку, – когда всем нам, *голытьбы перекастной*, грозила не шуточная опасность в случае приступления к сооружению новой семинарии – быть выгнанными *с грошем* «пособия» на *рублевья* квартиры, – Вы

Кирпирским и Воскресенской церкви свящ. П. Бельским 15 Июля, 1869 года.

⁷ Семинарский архив. Отчет за 1869/1870 г.г., стр. 78, 79, 80 и друг.

не давали семинарским властям своего благословения на такое преступное дело, и уверяли, что стоять «крепкостенной» до тех пор, пока Вы не привезете в семинарию своего сына, проведете его по всем классам и покажете ему на партах те украшения, которые Вы на них перочинным ножом вырезали»...

Такова была обстановка, в которой с конца 1869 года пришлось Вас. В-чу получать среднее образование в губернском городе Твери.

С этого года пишущий эти строки лично познакомился с Вас. В-чем⁸). Это был не высокого роста, коренастый и смуглый юноша, с темными, но не черными глазами, с несколько более выдававшимися, чем сколько это следует для общей гармонии, ушами, широким ртом, певучим голосом, умным, открытым и серьезным взглядом, вообще же приятным выражением лица. Уже с первого с ним знакомства, мы, товарищи, увидели в нем ученика «всезнающего» и сразу почувствовали в нем товарища, соперничать с которым было-бы очень трудно, а чрез короткое время убедились, что и совсем невозможно. В особенности остались в памяти два случая, убедившие нас окончательно в его умственном превосходстве: подходит к нему богослов и говорит: «Вася! я пишу сочинение по священному писанию, о том то... Как бы эту мысль подтвердить текстами из священного писания? И это вопрошает детина великовозрастный, с бритую бородою и порядочными усами, вопрошает пигмея, от которого только и видно из за парты, что одна большая голова... Поднимается со скамьи эта голова и говорит: «посмотрите 3-ю книгу Царств, такую то главу, такой то стих – кажется, ладно будет! Или вот из книги Иова, такая то глава, такой то стих»... Открывают Библию, и что же? Как раз указанные места и нужны были! – Другой случай представляет состязание с Вас. В-чем в знании греческого языка его сотоварища ученика из Тверск. уч. Вас. Н-го. В. Н. пожелал поспорить в этом знании с Болотовым и заявил об этом наставнику А. С. Последний устроил состязание. Вас. В-чу он дал для перевода новое, какое то еще не переведенное место, из греческой книги. Вас. В-ч перевел отлично и без всяких затруднений. Когда же подобный перевод был предложен В. Н., то последний стал ошибаться и с трудом переводил... «А! где тебе, Василий, с ним спорить!» – решил А. С.

Без споров и разговоров мы все единодушно признали в нем своего первенца, а вскоре и полюбили его. В отношении нас, своих товарищей, Вас. В-ч был не заменимым и не оценимым помощником и руководителем во всех трудных ученических обстоятельствах. Не было вопроса, не было задачи, не было такого трудного перевода с языков, которых бы он с непостижимою для нас легкостью не объяснил, не разрешил и не растолковал нам, часто нуждавшимся в его помощи.

---

⁸ И шел со вместио с ним в одном классе до 5 класса включительно, когда произведенная с 1874-1875

Многие из желавших ответить урок хорошо, обыкновенно его о чемнибудь да спрашивали. В особенности драгоценна была его помощь, когда приходил срок подачи сочинения. Обыкновенно тема наставником давалась с объяснением, что и как нужно написать, где найти те или другие пособия, а иногда и прямо выдавалась «книжка-пособие» которую получал для пользования и для передачи другим, конечно, Вас. В-ч, как лучший воспитанник. Но стоит только вспомнить громадное многолюдство учеников в классе, доходившее в реторике до 100 человек, в философии до 80 и в богословии до 60, и не целесообразное расположение некоторых классов, чтобы понять, что слушание объяснений наставников не для всех было одинаково доступно, да и слышанное забывалось, а «книжка-пособие» в единственном экземпляре (положим даже в 2-х, 3-х экземплярах, потому что иногда удавалось доставать из частных библиотек другие экземпляры) на громадный класс, конечно прочитывалась только не многими учениками, остальные же принуждены бывали писать положительно иногда без всяких знаний и пособий. Вот тут-то Вас. В-ч и являлся незаменимым помощником. Пред временем подачи сочинения его можно было видеть окруженным кучкою товарищей, желавших узнать, что и как писать, которым он и объяснял все, что было нужно. Прочитавши же «пособие», он расскажет все самое главное из него, что для многих было даже несравненно удобнее и полезнее собственного чтения. Во время этих объяснений можно было видеть, как некоторые, не особенно полагавшиеся на свою память, вооружившись карандашами, поспешно записывали нужные сведения. Он из знания своего не делал секрета, не был самоуслаждающимся эгоистом, или недоброжелательным, – какие, к сожалению, нередко встречаются в школах, – напротив, охотно спешил на помощь ко всякому нуждающемуся и оказывал эту помощь с обычною ему точностию, добросовестностию и медлительностию, подчас не нравившеюся некоторым из нас, спешившим кое-как и кое-что схватить из неприготовленного заранее урока.

Ради дружбы или просто ради добрых товарищеских отношений Вас. В-ч всегда готов был идти на выручку своих товарищей при самых затруднительных обстоятельствах, оказываясь из за этого иногда сам в щекотливом положении. Вот как рассказывает один случай один из участников его.

Трое нас, бурсаков, умевших играть на скрипке и гитаре, были приглашены на вечеринку в один хороший знакомый дом, находившийся по близости от семинарии. По глупой семинарской привычке, получить законный отпуск мы не захотели, (а может быть и не рассчитывали на его получение), и вздумали удрать потихоньку. Как быть? Вероятность быть замеченными начальством в качестве отсутствующих была весьма большая. А за такая дела в то время по головке не гладили: за самовольное отсутствие

уч. г. реформа в Тверской Семинарии, разлучила нас на год классом, но не товариществом.

ночью из бурсы, – случись то хотя с самым трезвым и исправным учеником, – немедленно из нея выгоняли, или в самом счастливом случае низводили на половинное содержание, т. е., позволяли пользоваться казенным столом, а жить в бурсе не позволяли. Вас. В-ч был дежурным по корпусу в тот день. Как ни велика была ответственность дежурного в то время, мы все-таки обратились к нему: «Вася, выручай как знаешь, а мы «тягу дадим». «Да где же вы уйдете? – ворота заперты и там два цербера в будке (Лавруха и Иван) – ведь они ключа не дадут!» Эх, Вася, если уж мещане крадут семинарския дрова из за бани чрез забор, то нам без ноши и Бог велел перешагнуть его! Да к тому же и доски забора легко разбираются: поезжай хоть на лошади! Свернули полъта, положили на койки, валеные сапоги – в ноги, покрыли одеялом, в знак того, что человек тут, а сами через чрез забор, и «поминай нас, как звали». Приходим на вечер; нас давно ждут. Напились чаю, настроили инструменты, приготовились играть кадрили и – о, ужас! – в числе танцующих оказывается один из наших начальников! У нас опустились руки и в глазах потемнело! Видит N наше беспомощное положение, подходит к одному из нас и тихо говорить: «несмушайтесь, а продолжайте играть... Кто дежурный? «Болотов!» «Только дольше двух часов не сидите!» Свалилась с плеч словно гора: мы ободрились от такого ласкового обращения и луч надежды на спасение стал виднеться для нас... Пришли мы в назначенное время в корпус старыми лазейками. Встали утром и спрашиваем Васю: ну что, как дела? «Незнаю, говорит, я лег в 11-м часу.» А сами боимся еще сказать ему, что попались, – это значило бы сказать, что и он тоже попался за плохое дежурство... Но и не рассказать ему всего тоже было нельзя, потому что ежеминутно ждали, что его вызовут для объяснения, и мы ему рассказали все. Однако зова не последовало.

Еще факт, доказывающий, на что он способен был ради дружеской услуги. Всем нам было известно, что Вас. В-ча нельзя было заманить ни на какую вечеринку, ни на какое гулянье, ни в какое шумное, светское общество, в особенности – молодых барышень. Но вот для друга, по его просьбе, он даже решился выбрать ему невесту – из трех, совершенно незнакомых ему девушек! Это, – кажется единственный и мало кому известный случай его беседы сразу с тремя девушками. Один из его друзей по своей безхарактерности, имея на примете трех невест, сам никак не мог сделать между ними выбора: нравились все одинаково, и молодой человек не знал, как ему выдти из затруднительного положения. Он и рассказал все Вас. В-чу, прося его выбрать ему одну из них. «Ладно, говорит, а когда?» «Да сегодня, после всенощной.» Болотов принарядился, надел даже крахмальную манишку, приготовленную для экзамена и стал настоящим франтом. Барышням же жених назначил час и место свидания, именно: в «Губернаторском саду», в круглой беседке, а чтобы разжечь их любопытство, сказал им, что придет с Болотовым. Его все в городе знали, как замечательно талантливую ученика: и реалисты, и гимназисты, и гимназистки. «Идем с ним, рассказывает жених, а барышни уже там ждут. Я отрекомендовал им Болотова... Переродился Вася: полился

неудержимый поток разговоров и вопросов, – что река плотину прорвала! Разговаривал он о разных предметах, и так последовательно переходил от одного к другому, что просто чудо!... Спрашивал их мнений и заключений по разным вопросам... Вот думаю я, какой-же он хитрый! Откуда это у него все берется? Вот так отшельник: я привычный, и то должен был больше молчать и слушать!... Простились, и пошли в корпус ужинать. Дорогою я спрашиваю: «откуда ты, Вася, научился мудрости объясняться с барышнями? «Из психологии, говорит, и из психологических книг». После ужина пошли гулять по двору (товарищи никто ничего не знали и даже неподозревали: это был великий секрет для всех, кроме нас: только барышни потом стали болтать знакомым семинаристам, что видели Болотова и познакомилась с ним). «Ну что-же, Вася, что скажешь о них: которая лучше?» «Лучше всех N: и умна и хозяйка; немножко горяченька, но это ничего – жизнь охладит!» Товарищ жених поступил по совету Вас. В-ча и до сих не имеет никаких причин жаловаться на выбор друга. Вообще же, в отношении дружбы, должно быть сказано, что Вас. В-ч, как натура, в которой преобладала преимущественно интеллектуальная сторона, не способен был к исключительной привязанности. Такой любви в нем не было: он относился ко всем с одинаковым расположением и – скорее уважал, чем любил.

Всегда ровный, всегда приветливый, всегда готовый побеседовать и рассказать что либо, никогда не куривший и не пивший ни водки, ни вина, и в то же время всегда находившийся среди товарищей, позволявших себе иногда слова и действия не одобрительные, обдававших его струями табачного дыма, он невольно всех располагал в свою пользу. Ни от кого он не сторонился, ни кому не сказал слова порицания или осуждения. Напротив, показывая вид, что ничего не видит и не слышит, он шутил, цитировал Гомера, Цицерона, припоминал какие либо случаи из своей жизни и, вообще говоря, и сам благодушествовал и других заставлял благодушествовать. Сам будучи примером строгой исполнительности в отношении к не мелочной и не требовательной тогдашней семинарской дисциплине, выполняя как никто из нас обязанности религиозные, не опуская ни одной из служб (ходили тогда в ближайшую Никольскую церковь, или в Собор) он был в высшей степени снисходителен к слабостям и увлечениям своих товарищей. Многие в его присутствии стеснялись делать и говорить то, что в его отсутствие считали себе вполне позволённым.

Изучение предметов семинарского курса Вас. В-чу, на наш товарищеский взгляд, давалось чрезвычайно легко. Он как будто и не учил уроков: мы только видели, что он постоянно читал книги (не учебники), а когда учил уроки, – это трудно было заметить. С книгой он был и в классной комнате, и на семинарском дворе, и в спальне, и в ограде Никольской церкви. Читал он все: и творения Св. Отцев и исторические сочинения и лексиконы Гедерика и Кронберга, и Вагнера, и Бухарева, и Гартвига, и Некрасова и

Грановского,⁹⁾ и всевозможные другие книги, какие только можно было тогда достать в Твери. Латинские и греческие книги он свободно читал в семинарии. Немецкий язык – первый из новых, который он основательно изучил в семинарии. По его мнению, иностранный язык возможно очень скоро научиться понимать: для этого нужно купить только лексикон и недели две заняться при его помощи каким либо переводом, а о грамматике и проч. не стоит черезчур беспокоиться. В семинарии же он начал и изучение английского языка и именно в один из последних годов своего в ней обучения, на прогулках близ гавани. Что же касается французского языка, то, по своим личным воспоминаниям, мы ничего об этом не можем сказать. Но нам известен следующий факт. Среди наставников семинарии Вас. В-ч считался незнающим этого языка. Но вот, будучи в VI классе, он удивил всех просьбою, обращенною к вышеупомянутому А. С., бывшему также и преподавателем французского языка, – об испытании его в знании этого языка и о выставлении об этом отметки в аттестате. «Да ты, сказал ему изумленный А. С., с обычной своей выразительной жестикуляцией, не учился у меня!» «Что-же, что не учился, ответил ему Вас. В-ч, но я самостоятельно ему выучился и желаю, чтобы вы меня проэкзаменовали и поставили мне балл!» «А ну-ка, на, читай,» ответил А. С., подавая ему французскую книгу. Вас. В-ч прочитал и перевел как следует... «Хорошо, хорошо, даже порядочно!» – воскликнул А.С. Просимая отметка в аттестате была поставлена.

В семинарии же Вас. В-ч начал изучение и некоторых восточных языков, напр. сирского и арабского. В знании же еврейского он так подвинулся вперед, что пользовался им уже на 4-ом году своего обучения в ней. Так, в 1873 году, преподавателем библейской истории прот. I. С. В-м была дана тема: «Чем особенно привлекало к себе Иудеев идолопоклонство?» Все написали, как и обычно, а Вас. В-ч удивил учителя знанием еврейского языка, которое он обнаружил в этом сочинении. «О, брат, да ты еврей, еврей!» – воскликнул наставник, возвращая, после прочтения,

---

⁹⁾ Прочитывая книги Вас. В-ч иногда делал надписи на них – свои собственные, или из других сочинений. Из первых мы ничего не могли разыскать; они не сохранились, вероятно потому, что не сохранились и те книги, на которых они были; из вторых сохранилась доселе собственноручная его надпись на 1-м томе соч. Т. Н. Грановского (Изд. 2-е Москва 1866 года), единственном, (2-ой том утерян) уцелевшем до сих пор в ученической библиотеке Тверской Семинарии. Надпись представляет выписку 26 стихов из «Медвежьей Охоты» Некрасова, где говорится о Грановском. Выписка начинается со стиха:

«Грановского *) я тоже близко знал»;

и оканчивается строфою:

«Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила»....

* Подчеркивание принадлежит Вас. В-чу.

сочинение автору.

Вас. В-ч в семинарии всегда был первым учеником, для которого обычно отметкою было 5 и 5+. Наставник М. К. Ч-в., которого мы звали «семинарским златоустом», за его умение красно говорить, даже однажды высказал, что Болотова следовало бы записать первым, а потом, – пропустив примерно номеров 70, – поставить уже второго ученика и т. д.

Ответы его на экзаменах нередко приводили экзаменаторов в изумление. «Существует рассказ, переданный одному из наставников Тверской Семинарии Протоиереем С.-Петербургской Вознесенской церкви В. Я. Михайловским, что преосвященный Филофей, присутствуя в Семинарии на богословском экзамене и слушая ответы Болотова по патристике и приводимые им наизусть цитаты из греческих и латинских отцов церкви, ограждал себя крестным знаменем, как бы удивляясь необыкновенному диву – феномену»¹⁰).

О том-же свидетельствуют не многие из сохранившихся его семинарских сочинений, но сохранившиеся такого рода, что по зрелости мысли и сейчас заслуживают быть целиком напечатанными. Одно из них, написанное Вас. В-чем в VI классе семинарии, и при том по предмету, по которому он впоследствии стал таким первоклассным специалистом, приводим в приложении к настоящему очерку, и обращаем на него внимание, как на выдающееся для ученика средней школы¹¹).

В отношении к своим учителям Вас. В-ч был вполне почтительный и внимательный, но не без сознания собственного достоинства, ученик. Со всем вниманием выслушивал он их объяснения, но не упускал случая дополнить их и развить с большею обстоятельностью, когда представлялся к тому удобный случай, напр., когда отвечал урок, или когда его спрашивали разрешить то или иное «возражение»¹²). В этих случаях на наших глазах разворачивались во всей широте его громадные познания и начитанность. Наставники, убедившиеся в означенных качествах талантливого юноши и умевшие ценить их, не обижались, а напротив, с удовольствием выслушивали его ответы и объяснения и со всею внимательностью, какую они заслуживали, а некоторые мирились и с делаемыми им поправками, и вообще, обращались с ним не вполне так, как обращаются обыкновенно с учениками. Относящиеся сюда факты, по весьма

---

¹⁰ Твер. Епар. Вед. 1900 г. № 11 стр. 265, примеч.

¹¹ Оно любезно предоставлено в наше распоряжение наставником А. А. Т-м, делавшим его оценку и пожелавшим сохранить его себе на память.

¹² Возражением в наше время назывался какой-либо вопрос из курса изучаемого предмета, предложенный наставником ученику для самостоятельного разрешения. Но ответу наставник определял степень развития ученика и начитанности.

понятным причинам, еще не могут быть вполне оглашены, но некоторые, наиболее удобные, могут быть приведены в подтверждение сказанного. М. К. Ч., мнение которого о Волотове мы уже приводили, переводя: «Disputationes Tusculanae,» нередко спрашивал мнения Вас. В-ча, как лучше перевести то или другое трудное место. Обыкновенно, это бывало при следующих обстоятельствах: спрашивал он какого либо ученика и поправлял его перевод, в заключение же, нередко обращался к Вас. В-чу: «ну а как г. Волотов перевел бы это место?» Тот вставал, и поднесши книгу очень близко к глазам (он был довольно близорук) начинал переводить, как ему казалось лучше. И не помнится, чтобы когда либо М. К., сам отлично знавший латинский язык, не согласился с редакцией его перевода, а обыкновенно говорил: «да, действительно, так лучше передать оттенок мысли». Вас. В-ч, при подобных вопросах, указывал на употребление разбираемого слова у других латинских писателей или у переводимого же, но в другом месте, и мы, вместе с наставником, с удовольствием и удивлением его слушали. Другой учитель, например, заявлял, что он не может придти на свой урок в следующий день, и поручал нас Вас. В-чу, который, говорил он, «вам покажет и объяснит что-нужно.» Третий, сам прекрасно знавший свой предмет, давал поручение Вас. В-чу сделать для него перевод из какого нибудь издания, и Вас. В-ч исполнял это дело с такою тщательностью и точностью, что преподаватель вполне оставался им доволен. Иной, не менее предыдущего, прекрасно знавший и излагавший свой предмет, рассказывал, что при объяснениях урока в классе «нет, нет да и посмотришь, не морщится-ли Волотов».

Таков был умственный и нравственный облик Вас. В-ча во время его обучения в Тверской семинарии. Но было-бы ошибкою, или по крайней мере односторонностью, думать, что таким, каким он был, он был обязан исключительно своим природным способностям и своему трудолюбию, и что школа и окружающая среда ему ничего не дала или, так или иначе не способствовала развитию его в данном направлении. Напротив, школа, т. е. Тверская Семинария тогдашнего времени, со всеми ее порядками, постановка в ней воспитания и обучения, подбор наставников и вообще весь строй ее, оказывали значительное и совершенно особое влияние на всех учившихся тогда.

Каким именем обозначить это влияние – мы затрудняемся сказать (до того оно сложно), но из нижеследующего читатель, надеемся, сам увидит какого рода это влияние, и найдет ему имя. Наше дело передать возможно точно фактическую сторону дела, насколько это позволяет близость описываемого времени.

Тогдашний строй учебной жизни в Тверской Семинарии, в то время еще не преобразованной, напоминал некоторыми чертами более строй школы высшей, нежели средней, да еще духовной. Учебников толстых, наполненных массою ненужных, или, по крайней мере, излишних мелочей, только обременяющих память ученика, вместо

того, чтобы содействовать ее укреплению, не было. Не без влияния, вероятно, это обстоятельство было на то, что в последствии времени из уст Вас. В-ча нередко можно было слышать выражение: μέγα βιβλίον, μέγα κακόν, и что сам он писал не «великия книги», а «малыя», но в малом содержащая «многое». Вместо книг, знание почерпали мы из «профессорских» (по тогдашней терминологии) лекций, а пособием к ним служили писанные малого объема «записочки», почти по всем предметам семинарского курса, составленные большей частью толково, и заключающие в себе самую необходимую и краткую сведения. Записочки эти, продававшиеся весьма дешево (по 30, 40 копеек за курс) и составленные неизвестно кем и когда, переходили из курса в курс и по обветшании снова переписывались. Обыкновенно они представляли из себя сокращение академических курсов доброго старого времени и в общем были более, чем хороши, таковы, напр. записки по патрологии (или патристике), по св. писанию, логике и другим предметам. Не многим уступают им, написанные, если не ошибаемся, М. К. Ч., – записки по педагогике и дидактике. При самом изложении науки преподаватели особенно не стеснялись теми или другими внешними требованиями, а излагали ее свободно, руководясь тем, что нам было наиболее нужно и полезно знать, и что лучше было известно им самим.

Такой способ изучения наук, так сказать, только по схемам их, давая возможность легко овладеть предметом, оставлял много простора для само-деятельности и в тоже время – много времени для чтения книг; да и самое списывание записок, изредка необходимое, было далеко не бесполезным упражнением.

Из других особенностей тогдашней постановки обучения в Тверской семинарии должны быть отмечены: сравнительно не обширный круг предметов изучения, довольно удачный подбор их, относительная не требовательность в изучении и, наконец, отсутствие применения программ (так как семинария, как сказано, была преобразована только в 1874 – 1875 учеб. году).

Вот, например, круг предметов, по которым мы сдавали экзамены по окончании первого года в философском классе, в 1872 году. 21 Июня – по Библейской истории, 26 – по педагогике, 28 – по Св. Писанию, 3 Июля – по физике, 4 – по латинскому языку, 5 – по логике с психологией, 7 – по греческому языку и 10 – по русской истории. Всего по 8 предметам, в том числе по двум из них, соединявшимся вместе (логика с психологией) за один раз.

В год пред преобразованием количество предметов по классам было следующее: в богословском классе 8, в философском 8, в риторике 6¹³).

---

¹³ Приводим ради точности таблицу предметов, изучавшихся в Твер. Семинарии, за год до ее преобразования, сравнительно с современною:

Таким образом мы не изучали многих предметов, которые потом введены были в круг обучения, как самостоятельные предметы. Так напр., мы не учили тригонометрии, космографии, обзора философских учений, истории русского раскола, а вместо них изучали только патристику и библейскую историю, (последняя, впрочем, нами не считалась за особый предмет, потому что содержание ее нам было прекрасно известно еще из училищного курса и семинарское ее повторение не давало нам и ничего нового, и никакого труда). Едва-ли мы несли значительный ущерб, не изучая таких наук, как космография, тригонометрия, обзор философских учений и история русского раскола. Имевшееся в нашем распоряжении довольно значительное количество свободного времени давало нам возможность читать курсы Гано, Шедлера, Гумбольдта и Гартвига и друг., а по философии Бауера, Швеглера, Кунофисера и др. История русского раскола была в наше время ни больше, ни меньше как «главою» в истории русской церкви и этого, нам казалось, вполне было для нея достаточно. Сочинение Щапова о расколе, однако, нам было хорошо известно. Включение в состав семинарского курса патристики производило особенно благотворное на нас действие, которое еще усиливалось мастерским ее изложением М. К. Ч-м.

Требовательность в отношении изучения предметов была не особенно строгая. Классы чрезвычайно были многолюдные, наприм., в реторике в трех отделениях было 298 человек – почти по 100 человек в классе! Спрашивали уроки редко; бывало и так,

Богослов. класс. V и VI.		Философ. класс. III и IV.		Реторич. класс. I и II.	
Священное Писание. Основан. и догмат. Б-ие. Церков. ист. Литургика. Педагогика. Чтение отцов церкви по греч.	Свящ. Пис. Догматич. Богословие. Нравствен. Богословие. Основное Богословие. Церков. ист. Ист. раскола. Литургика. Гомилетика. Практическ. руковод. для сельских пастырей. Дидактика. Латин. яз. Греческ. яз. Церк. пение.	Священное Писание. Психология и обзор философск. учений. Логика. Русск. ист. Тригономет. Латин. яз. Греческ. яз.	Свящ. Пис. Основное Богословие. Литургика. Церков. ист. Гомилетика. Психология. Логика. История литературы. История философии. Физика. Гражд. ист. Латин. яз. Математика. Греческ. яз. Церковное пение.	Словесн. Граждан. история. Священное Писание. Алгебра. Латин. яз. Греч. яз.	Священное Писание. Библейск. история. Словесн. Граждан. история. Математика. Латин. яз. Греческ. яз. Церковное пение.

Обзор философских учений и тригонометрия введены были в круг предметов изучения только в этом 187³/₄ учебн. году, а в предыдущем учебном году их не было.

что иной целый год ни разу небывал спрошен, между тем и получал годовой балл и на экзамене отвечал, как следует. Вообще, это, было время, когда можно было и учиться как следует, и можно было и не учиться как следует, и всетаки удовлетворительно кончить курс. Придерживались более древних порядков, по которым считалось вполне достаточным, чтобы ученик учился хорошо по главным предметам. Ректор обыкновенно таковым, не справляясь с табелью баллов, ставил скобку в аттестате с правой стороны названий предметов, а за нею писал: «отлично хорошо» или «очень хорошо». Благодушия с обеих сторон было достаточно...

Так называемые «программы» предметов, хотя и существовали еще с 1868 года, и считались обязательными, на самом же деле, до самого 1874 года, под теми или другими предлогами, мало применялись. В семинарских отчетах в оправдание сего указывалось «на несоответствие между программами, высланными из Духовно-учебного комитета и учебниками, – на несоразмерность между временем, отделенным для преподавания некоторых предметов и объемом, в котором должны быть преподаваемы эти предметы по вновь высланным программам, – на не достаточную подготовку учеников к изучению некоторых предметов семинарского курса по новым учебникам и на не приравненность этих последних к степени развития учеников... Вследствие этого допускались изменения и отступления от программ с согласия ректора»¹⁴). Впрочем, в этом уклонении от применения программ, кажется, не заключалось существенного ущерба для нашего образования. Программы так или иначе связывали и учителя и ученика. Это в особенности заметно для нас стало с 1875 года, когда учителя, вместо прежнего, свободного изложения своего предмета и воодушевленных лекций, стали заботиться о выполнении программ, а ученики, вместо самостоятельного приобретения знаний, – о запоминании того или другого обязательного ответа, на поставленный в программе вопрос. А так как этих вопросов в программах было чрезвычайно много, то у нас не оставалось времени ни думать, ни читать, ни размышлять. При прежних порядках все не существенное с пользою пропускалось, теперь же все это сделалось невозможным. Вместе с тем стало не возможным и прежнее разделение наук на главные и изучаемые, и второстепенные и изучаемые слабо.

Дальнейшим условием, дававшим особый склад жизни тогдашней Тверской семинарии, на которое мы уже указывали вскользь, но которое, по своему значению, вполне заслуживает быть рассмотренным особо, было значительное количество имевшегося у нас свободного времени, которое мы употребляли на чтение книг и составление сочинений. Ученическая библиотека, основанная в 1866 году, в наше время была еще весьма скудна книгами и находилась в помещении «тесном и

---

¹⁴ Семинарский архив. Отчет 187³/₄ г. г., стр. 54–55.

неудобном», фундаментальная же «находилась в двух помещениях. Одна ее половина (большая) – в соборной колокольне (где она находится и в нынешнем 1900 году), другая, – составленная из книг выдаваемых ученикам для пользования, в здании семинарии»... В последней значилось книг «на латинском и греческом языках 109, на русском 1212, на французском 17, на немецком 56, польском 1, на малоизвестных 6; рукописей – 94; периодических изданий 151.»¹⁵⁾ Как видим, выбор книг для чтения был не особенно богатый. Недостаток этот мы восполняли чтением книг из городской публичной библиотеки, и частной Кузьмина, (потом Кашкина) и при этом, читали без разбора всякия книги, в том числе и журналы. Тогда еще не было разделения книг на дозволенные и не дозволенные,¹⁶⁾ и последняя читались с таким же равнодушием, как и все прочия книги, а вернее, большинством совсем не читались, потому что читали только те, которые хотели учиться, а которые не хотели, те или совсем ничего не читали, или довольствовались беллетристикой. Читали мы всевозможных «естественников», переводами сочинений которых изобиловала тогдашняя русская литература, читали и боевые статьи тогдашней журнальной литературы и были увлекавшиеся ими, но не помнится, чтобы из этого выходило что-либо серьезное, губившее людей, потому что учителя семинарии, а в особенности А. В. С., о каком бы предмете не шла речь на уроках, постоянно сводил ее на разбор и критику модных тогда материалистических учений. Помнится даже факт, как наши семинариестествофилы вступили однажды, в садовой беседке, в губернаторском саду, в состязание с гимназистами, упрекая их в излишнем дарвинофильстве. Прочитанное какое либо новое и интересное сочинение и заключавшиеся в нем идеи подвергались затем всестороннему обсуждению в товарищеском кругу, в те большие промежутки между уроками, которые в то время существовали, благодаря разделению учебного дня на три урока, продолжительностию по 1½ часа каждый, а в действительности не превышавших и часу. Живо вспоминаются те горячие, оживленные беседы по поводу прочитанного – за семинарской баней, или в семинарском дворе, – которыми с громадною пользою для нашего умственного развития была наполнена не одна сотня часов!... Вас. В-ч читал чрезвычайно много, и не сравненно больше нашего, по своему знакомству с иностранными языками, но – ничто дурное не коснулось его чистой и светлой души. Разнообразное чтение только будило мысль, окрыляло ее, изощряло талант, возбуждая дух анализа и здоровой критики, в которых Вас. В-ч, как это впоследствии оказалось, мало имел себе равных в истории русской богословской мысли... От того то мы и видим, что из Вас. В-ча не вышел какой либо односторонний отрицатель, а гигант мысли и знания и глубоко верующий человек, оставивший нам

---

¹⁵⁾ Семинарский Архив. Отчет 1869–1870 г. г. стр. 64, 65.

¹⁶⁾ Разумею список книг, которыя позднее не разрешено было выдавать из публичных библиотек и

даже «завет внутреннего сочетания знания и веры, завет свободного научного исследования в области церковно-исторической науки, при полном внимании и послушании общецерковному вселенскому преданию»¹⁷⁾).

Составление сочинений на темы, даваемые наставниками, было делом, на которое уходила другая часть имевшегося в нашем распоряжении свободного времени. Это – работа, на которую в наше время смотрели довольно серьезно и к которой, следовательно, нужно было относиться со всею внимательностью. При недостаточности обычного способа суждения о развитии ученика, путем устных его спросов в классе (так как последние были очень многочисленны), многие наставники охотно прибегали к этому вспомогательному средству, и, не редко случалось, что талантливо и умело составленное сочинение имело решающее значение при определении, как степени развития ученика, так и места его в списках. Поэтому, при составлении сочинения, употреблялись все старания, чтобы оно вышло удачным, ради чего просматривалась и перечитывалась ни одна статья из той или другой книги, или журнала. Наставники, в большинстве, относились к нашим работам с внимательностью, какой оне заслуживали, выправляя даже незначительныя ошибки в мысли, стиле, слоге и языке.

К указанным особенностям учебного строя Тверской семинарии начала семидесятых годов должны быть присоединены еще некоторые черты, весьма важныя для ясного представления обстановки, которая окружала и так или иначе влияла на воспитание Вас. В-ча. Мы уже указали на громадное многолюдство учеников в классе, доходившее иногда до ста человек, и имевшее прямым следствием то, что наставник не имел физической возможности изучить каждого ученика и руководить его развитием. Вследствие этого множество весьма талантливых юношей, желавших и способных учиться гибли только потому, что некому было обратить на них внимание и должным образом направить. Обыкновенно, учителя, хотя конечно и не все, намечали двух – трех счастливых, с которыми большею частию и занимались в классные учебные часы, все же остальные, предполагалось, должны были слушать и из этого слушанья выносить все, что для них было нужно.

Чтобы понять, на сколько это было для многих трудно и даже невозможно, нужно припомнить расположение некоторых классов. Вот, например, обстановка философского класса, в котором мы провели два учебных года – 187½ и 187¾. Это была длинная, узкая комната, слабо освещенная с узких сторон тремя окнами с северной стороны (со стороны Волги) и двумя – с южной (с семинарского двора). Против двух окон стояло три ряда неуклюжих длинных парт, по 4 в каждом ряде и

общественных читален. Книговедение. 1894, № 1, стр. 55.

вместимостию каждая на 6 – 7 человек. Против третьего окна, во всю длину класса тянулась длинная, узкая полоса свободного пространства, по которому мог прохаживаться учитель, когда ему надоедало сидеть на стуле. Стул же, и столик при нем, стояли ближе к северным окнам, против 2-й парты 1-го ряда. Вас. В-ч сидел первым, как раз против среднего окна. Это место было любимым местом остановки учителей при их беседах с Вас. В-м. Редко кто из них в своих движениях по классу проникал далее 2-ой парты, затем поворачивал или к столику, или к доске, стоявшей тут же, около него, или к указанному месту остановки. Исключение представлял один только А. В. С-в, который ходил по классу во всю его длину от северных окон вплоть до входной двери. Ученикам, сидевшим вблизи наставника было видно и слышно все хорошо, за то целой половине класса в противоположном конце комнаты (3 ряда – 6 парт) почти ничего не было ни видно, ни слышно. Сидевшие там обыкновенно ничем не занимались и ничего не слушали. Когда их спрашивали наставники, то товарищам приходилось повторять вызов учителя, называя громко их фамилии. Все это было причиною того, то только половина учеников в классе находилась в условиях более или менее благоприятных для образования. Немногие, лучшие ученики, и в особенности те, на которых было сосредоточено особенное внимание наставников, действительно развивались; умственные способности их изошрялись, и можно сказать, во столько же раз, во сколько у прочих ослабевали и уменьшались. Таким счастливецом был и наш Вас. В-ч, потому что к нему постоянно обращались учителя с теми или другими вопросами. Кроме того, в отношении его имеет важное значение и то обстоятельство, что необходимость постоянно помогать слабейшим товарищам, – в чем, как сказано, он никогда никому не отказывал, – ставила его в необходимость самому быть постоянно готовым оказать эту помощь, т. е., он как-бы по неволе должен был все знать и знать лучше других, чтобы быть в состоянии объяснить...

Если к особенностям тогдашняго строя Тверской семинарии прибавить еще, что, при шести летнем курсе, классов было всего только 3: реторика, философия и богословие, так что, оставленные за малоуспешность на повторительные курсы в том же классе должны были отсиживать каждый раз по два года, – разделение учебных часов на 3 урока, по 1½ часа в каждом, причем по получасу от каждого урока пропадало даром, – ибо более чем на час, или даже менее ни один из учителей не ходил на урок, – продолжительность учебного года – с 1 Сентября по 15 Июля, (чрезмерная тяжесть чего в особенности чувствовалась во время экзаменов, падавших на самое жаркое время года), то этим, пожалуй, исчерпаем все особенности тогдашняго учебного строя Тверской семинарии.

Остается сказать еще о наставниках и их отношении к своему делу. Здесь мы

---

¹⁷ Церковн. Вестн. 1900 г. № 16, стр. 524.

встречаемся с более уловимыми и более ясно определимыми влияниями на образование умственного и нравственного облика Вас. В-ча. К сожалению, по весьма понятным причинам, мы можем говорить только о лицах умерших.

Вот как, в отношении к одному из наставников сам Вас. В-ч оценивал это влияние. В письме к нему послучаю 50-ти летнего юбилея его священствования (в Феврале 1899 г.) он писал: «Позвольте одному из тех, кто был вашим учеником в то время, когда вы стояли в зените вашей профессорской деятельности, сказать несколько слов в благодарность за это прошлое. Волею Всемогущего Вашему Высокопреподобию указана была деятельность в скромной аудитории среднего учебного заведения; но в нашей alma mater Seminarium Twerense профессорствовали Вы так, что ваши питомцы имеют право считать себя счастливыми, что были вашими учениками. В нашем истинно почитаемом Григории Петровиче мы видели профессора строгого, но строгого прежде всего к самому себе, при исполнении своего долга не позволявшего себе послаблений. Вашу аудиторию, достопочтеннейший о. протоиерей, Вы знали как редко кто, и были в ней истинно мудрым хозяином, который умеет своим слушателям «даяти во время житомерие», предлагает им ту пищу, которая доступна их разумию. Ваше серьезное слово было отмечено для нас печатью бесспорно обязательного, потому что вы предлагали его так, что мы не могли не думать: это должно знать, потому что это можно знать. Стоя выше приражений научной моды, как всякая мода – не неизменчивой, вы показали себя истинным мастером в самоограничении. Ни какая прикрасы, которья были не по научным средствам среднего учебного заведения, не находили доступа в ваши уроки. Профессорствуя пред аудиториею не зрелую, которая так легко увлекается и звенящую фразою, и самым обилием красивых слов, принимая их за богатство мысли, – вы говорили с нами с тем дидактически выдержанным высоким лаконизмом, который не терпит не необходимого слова. Ваша речь сияла тою простотою, какая дается только немногим избранныкам. Ваша фраза доведена была до степени самой простой и естественной оболочки Вашей ясной мысли. Слушая вас, мы научались понимать, что дельное есть наилучшее. Вы желали дать нам *non multa, sed multum* и прежде всего твердый и удобоприменимый метод исследования. И владели им Вы так, что и за вашими юными слушателями признавали нравственное право – быть индивидуальными. Вы охраняли их от позора недобросовестной сделки с чужою, быть может, не понятою мыслию, когда не было на лицо уверенности в полной ее состоятельности. И я смею думать, что на Ваших уроках мы не только учились, но и духовно возрастали в меру наших личных возможностей. Все эти дорогая черты, конечно, и теперь многих и многих из нас, рассеянных по широтам земли на положениях, о которых и не мечталось, – побуждают не раз с любовью и благодарностью обращаться в своих воспоминаниях к скромной классной комнате в Тверской семинарии семидесятых годов, к урокам священного писания, к нашему досточтимому профессору и душевно желать ему и «в старости мастите» безоблачно –

ясного вечера жизни». ¹⁸⁾ К этой прекрасной характеристике, можем добавить только то, что это был действительно неоценимый наставник, обладавший неподражаемым искусством излагать и изъяснять самые трудные места из ветхозаветных писаний...

Кроме него не могут быть не упомянуты с чувством признательности и благодарности таковые педагоги, как протоиерей Александр Васильевич Соколов, протоиерей Иван Степанович Васильевский и Иван Саввич Морев.

Александр Васильевич в каждом воспитаннике прежде всего интересовался его нравственною стороною, ставя ее несравненно выше его умственных качеств и потому всегда склонялся в пользу воспитанника, хотя-бы и не выдающегося по умственным познаниям, но безупречного по поведению. «Он старался не столько обогатить их знанием, сколько внедрить в их сердца страх Божий» ¹⁹⁾. Это – главная мысль всех его бесед с нами, какой-бы он предмет ни объяснял и в особенности часто слышавшаяся на уроках по педагогике в философском классе. При схоластическом методе мышления, речь его, однако, была содержательная, плавная, блестящая остроумием и обилием аналитических тонкостей. Когда он разбирал разные антихристианския учения (в богословском классе), то умел справиться с самыми запутанными доктринами, разрешая их на ряд отдельных положений, которых слабыя стороны делались для нас ясными как-то сами собой. Затем, он говорил всегда экспромптом, отчего его уроки, не смотря на их значительно большую продолжительность, чем у других наставников, никогда не были скучны или утомительны.

Иван Степанович Васильевский пользовался большою любовью воспитанников, за свои отеческия к ним отношения «Преподаваемые им уроки не были казенными, сухими, облеченными в известную рамку, а были беседами отца с детьми: они были просты, понятны, живы и дышали теплотой чувства и задушевностью. Он принадлежал к числу тех наставников, которые хотя и не обладают всесторонним знанием, но стараются тут же – пред учениками уразуметь и выявить истину: они как будто вслух думают и развивают мысль свою, приглашают к посильному участию воспитанников, руководят, направляют, указывают цель и конечный вывод мышления, так что весь класс составляет как бы одну мыслящую личность, и, по мере сил, вопрос разрешается, истина выясняется и становится достоянием целого класса. Все довольны решением, потому что все, под руководством наставника, принимали в нем участие. Этот, несомненно, в высшей степени плодотворный прием обучения с особенным успехом применял Иван Степанович к преподаванию библейской истории. Уроки по этому предмету семинарского курса проходили в высшей степени оживленно, причем

---

¹⁸⁾ Тверския Епархиальныя Ведомости 1899 г. № 12, стр. 327–328.

¹⁹⁾ Твер. Епар. Вед. 1882. № 2, стр. 49.

преподаватель, предлагая разные недоуменные вопросы на решение целого класса, позволял ставить подобного же рода вопросы и воспитанникам»²⁰).

Алексей Саввич Морев, служил в семинарии с 1848 по 1875 г. Об этом старичке, много хорошего мы слышали еще от наших отцов, учившихся у него, и потому при поступлении в семинарию прежде всего искали глазами его, как будто давно знакомого человека, и, увидав, убедились, что отцы были правы. Это был чрезвычайно добрый и благодушный наставник, не взыскивавший с нас строго ни за какую провинность. Нашим отцам он преподавал Священное писание и, по их отзывам, отлично, а мы его знали только как преподавателя языков греческого и французского. Оба эти языка он знал и преподавал хорошо и умел оживлять их сухость любопытными рассказами, часто не имевшими никакого отношения к преподаваемому предмету. В обращении с нами был чрезвычайно прост, беседовал часто как с равными, встречаясь на улице, в семинарском дворе и в других местах.

О других из почивших наставников, в виду того, что Вас. В-ч учился у них весьма не много, или вовсе неучился, находим возможным неупоминать.

В заключение нашего описания строя учебной жизни Тверской семинарии начала 70-х годов мы должны сказать, что Вас. В-ч всегда относился с полным уважением к воспитавшей его Тверской семинарии, и школьные годы, проведенные в ее стенах, вспоминал всегда с живейшим удовольствием.

IV.

Василий Васильевич Болотов – студент Академии

Решение – по окончании курса поступить в духовную Академию, и именно С.-Петербургскую, было принято им вполне самостоятельно, даже вопреки советам некоторых товарищей поступить в какой либо из университетов. Так, один из них употреблял все средства чтобы склонить его ехать не в Академию, а в университет, но Вас. В-ч решительно заявил, что в его натуре как-то заложено стремление «плыть по течению», т. е. идти туда, куда ведет самый естественный и близкий путь из духовной школы, – в Академию, а ректору и инспектору Тверской семинарии, спросившим его, в какую из Академий он желал-бы ехать, – обоим москвичам, и вероятно желавшим, чтобы он поступил в Московскую Академию, – также определенно назвал С.-Петербургскую духовную Академию, как наиболее благоприятно обставленную в научном отношении.

---

²⁰ Твер. Епарх. Вед. 1896 г. № 19, стр. 553, 558 и 561.

По совершенно независевшим от него обстоятельствам, случилось так, что в Академию Вас. В-ч поступил не первым, а вторым студентом. Но сила вещей – его необыкновенные дарования и необычайный в его годы запас разнообразных научных сведений, превосходное знание древних и новых языков, заставили вскоре вернуть ему то первенство, которое ему принадлежало по праву.

Профессор И. Е. Троицкий одному высокопоставленному лицу, рекомендовавшему ему Вас. В-ча, так ответил: «побольше бы нам таких присылали из семинарий!»

В отношении к своим обязанностям, к товарищам и друзьям, как новым, так и старым, и вообще ко всему окружающему его новому строю жизни Вас. В-ч остался тем же самым Болотовым, каким мы его видели в семинарии. С самого поступления своего в Академию он засел за свои текущие работы, как истинный *studiosus*, мало обращая внимания на занятия и интересы, которые не имели отношения к науке. Газет он или совсем не читал, или читал только урывками. В письмах к друзьям, из этого периода времени, читаем: «о деле Познанских узнал только по слухам. О деле Гулак-Артемовской ничего не знаю, кроме имени, да еще того, что это дело пахнет, кажется, векселями и подлогом. Афганская экспедиция для меня – *terra incognita*, козни Лорда Виконсфильда *e tutti quanti* – тоже. За литературу слежу плохо: «Танкред» не дочитал, «Низика»²¹⁾ – тоже... Ну для «Дорогой ценой»²²⁾ сделано исключение: послушал, как другие читали... Читал роман Дизраэли (Виконсфильда) «Лотарь», заинтересовавшись им потому, что – говорили (и – вправду) – что в нем «святых ойцув» не оберешься. Заинтересоваться, пожалуй, и можно, но «Танкред» все же поинтереснее: среда и место по незнакомее. Из «толстых» журналов прочитано тоже крайне мало: нового в них остается – непечатый угол. «Церковный Вестник» прочитан, на сколько помню, весь. «Церковно-Общественный» – тоже почти весь; из «Православного Обозрения» – большая часть, из «Христианского чтения» – тоже. В последних двух книжках там дана переводная статья Иннса: «Суд над I. Христом» – стоило-бы и вам прочитать,... первая половина («Еврейский суд») – на мой взгляд – лучше второй. В настоящую минуту я заинтересован (или пожалуй, – «мы заинтересованы») новой статьей Д. А. Хвольсона, которая печатается уже в первой книжке «Христ. чтения» (Январь – Февраль) за 1879 г. По своему главному предмету она обещает быть интересною *только* в филологическом отношении, да и то для людей с слабостью к восточным языкам; но может быть, Даниил Абрамович, мимоходом, затронет такая вещи, которые сделают его статью интересною и не для одних только (вышепоминаемых) дилеттантов-ориенталистов. В «приложениях» будет помещено начало толкования на книгу пророка Иеремии – труд

---

²¹ Это – рассказы, помещенные в «Книжках Недели» за 1878 г., которые он зачитал во время своего пребывания в каникулярное время у матери.

²² Там-же, рассказ.

нашего высокоуважаемого доцента Ивана Степановича Якимова. По достоверным слухам эта статья представляет только чуть-чуть популярное изложение тех лекций, которые он нам читал в прошлом году. Таким образом Вам открывается удобный случай вообразить себя на несколько часов в нашей аудитории № 1 (большой, старшей) и послушать одне из самых лучших академических лекций. Впрочем должен предупредить – начало этой пророческой книги достаточно просто, и развернуться во всю ширь экзегетическому таланту ученого пока еще не над чем; подождите комментария на стихи 23–24-й 2-ой главы, и увидите».

С 6 Сентября 1877 года он пригвоздил себя к теме, данной И. В. Чельцовым: «Учение Оригена о Св. Троице», которую он сначала разработывал для кандидатского сочинения, а потом, она же, послужила предметом разработки и для магистерского. Своему приятелю, М. А., он уже в это время (18xxx77 г.) пишет: «Кто такое Ориген, Вы этого узнать не имели случая; постараюсь выразиться потуманнее. Это – звезда первой величины в ряду катехетов (профессоров богословия) александрийского огласительного училища (в ½ II века первой христианской академии) и едва-ли не самое славное имя в христианском мире его времени, – человек, труды которого составляют эпоху в истории богословской мысли, – «алмазный» и «медный изнутри», как его называли, 70-ти летний исповедник и, может быть, лишь по утонченной расчетливости мучителей не мученик за Христа († 254). Его высоко ценил св. Афанасий Великий; «три великие каппадокийца» (свв. Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский) были горячими почитателями и – в сущности – учениками Оригена. Но и ариане приписывали себе честь – быть его последователями, а св. Епифаний Кипрский считал его источником всех ересей IV в.; и волнение, поднятое из за Оригена, в конце концов превратилось в бурю, кончившуюся ссылкой св. Иоанна Златоуста чуть не на наш Кавказ. Прошло около 1½ века и Константинопольский собор 543 г. провозглашает Оригену не вечную память, а анафему. Из этого Вы конечно не узнали, кто (quis, qualis) был Ориген, но может быть почувствовали, на сколько велик (quantus) он был, и на сколько узловато (если выразиться так) было его учение, если пред ним благоговели и святые вселенские учителя и проклинали его соборы. Но удобство этой темы (если скинуть со счетов ея внутренний интерес) уже и то, что, собрав около себя все источники и пособия, я могу сидеть дома и не мыкаться чуть не каждый вечер за 3 версты в библиотеку»²³).

---

²³ Чтобы не заговаривать о занятии В. В-ча Оригеном вторично, а также чтобы показать, в какой мере та же тема в обработке для магистерской диссертации представляла новые и громадные трудности, позволим себе привести то, что В. В-ч пишет от 18xxx79 года: «Предмет моей диссертации – старая тема: «Учение Оригена о Св. Троице». Знаменитый александриец у меня до сих пор *in carceribus*. Но чтобы добраться до Оригена с одного конца, нужно пройти – ну хоть – корридор (этак листов в 25–30 письменных) учений и философов и церковных писателей 2 и 3 в. (Иустина, Татиана, Афиногора,

Затем, Вас. В-ч интересовался происходившими в академии диспутами и обо всех из них давал подробный отчет в своих письмах к друзьям и в особенности к своей матери. Суждения, высказывавшиеся при таких случаях по своей меткости, рельефности и вообще по уму, который в них видится, представляют богатейший материал для характеристики как его самого, так и всех описываемых им лиц и событий. Приведем, что возможно, чтобы дать понятие о Вас. В-че как умном наблюдателе интересовавшихся его ученых событий. Вот наприм., что он пишет относительно одного магистерского диспута: «Церковный Вестник» оказался удивительно молчаливым... Диспутанту (или что тоже – магистранту) возражали *x*., *y*., (официальные оппоненты) *z* и *n* (волонтеры); *x* был *x*, то есть, действовал с блеском и решительностью французской кавалерии; *y* – *y* т. е., возражал не много, скромно, деликатно и основательно; *z* почти со всем не был *z*, чем и удивил нас, – потому что бил как есть в самый центр, а не в периферию (как мы опасались), ломил против самой сути, а не против мелочей и лишь раз показал себя в своем обыденном образе, прицепившись к *n* на счет «урима и туммима», – одним словом наш *z* действительно ломил, ломил дерзновеннее *y*, чуть даже не с решительностью (меньше огня в атаке, при первом натиске, но преимущество: упорная настойчивость пехотинца) *x*, и нужна была вся ловкость и мастерская речь нашего о. Р., чтобы загладить не совсем приятное (для диспутанта) впечатление от этой стычки, и замазать те бреши, которые натворил *z*. Возражения *n* были последними и по порядку времени и по внутреннему достоинству (ибо все дельное было лишь повторением в других словах сказанного *x* и *z*, а остальное в более или менее значительной степени приближалось к пустякам».

В отношении своих товарищей, – насколько это известно пишущему эти строки, – он был тем-же доброжелательным, общительным и незаменимым помощником, каким был и в семинарии. Его выдающиеся познания были известны и среди нас, студентов младших курсов и нам иногда случалось обращаться к нему за помощью и советом. Так, помнится случай, когда он был уже на 3 курсе, нам первокурсникам дана была тема: «Учение Локка о простых идеях» и в пособие нам был указан Versuch über den menschlichen Verstand, тогда еще не переведенный на русский язык. Некоторые из нас затруднились переводом части нужных нам мест из этого сочинения. Пошли к Вас. В-чу, в его занятную комнату, и он без затруднений и перевел и объяснил нужные нам места.

Продолжая начатые еще в семинарии занятия изучением восточных языков он посвящал иногда и некоторых любителей из своих товарищей в тайны этого рода

Феофила, некоторые полагают – того самого, к которому Ев. Лука «сотворил первую книгу о всех, яже начать Иисус...», Иринея, Климента, Тертуллиана, Ипполита) и еретиков (двух Феодотов, Праксея, Ноэта, Саввелия); а чтобы подойти к нему с другого конца, нужно пробраться чрез ряд мнений об Оригене разных ученых, чрез оригенистские споры и арианство».

знаний. Так, одному из них, по его просьбе, он в несколько минут написал перевод на Эфиопский язык *Oratio Dominica*, снабдив его даже примечаниями по эфиопской транскрипции и произношению.

Вообще, в Академии, как и в семинарии, жизнь Вас. В-ча всецело была посвящена одной только науке и все, не касающееся ее, мало его интересовало. Из Академии он почти не выходил. «Ваш покорнейший слуга, пишет он одному приятелю, выходить из Академии чуть-ли не так же часто, как медведь из берлоги в зимнее время». Вне стен Академии его можно было встретить лишь идущим в Императорскую публичную библиотеку.

Не будем, однако, перечислять всех, относящихся к этому периоду его жизни и известных нам фактов, – пусть это сделают *более близко*²⁴⁾ знакомые с ними – и прямо перейдем к тому времени, с которого он приобрел научное и литературное имя и с которого его известность и авторитет стали идти быстрыми шагами вперед.

V.

Василий Васильевич – профессор и ученый

Ряд ученых работ начался с его магистерской диссертации на тему: «Учение Оригена о Св. Троице²⁵⁾».

---

²⁴⁾ Пишущий эти строки, вследствие болезни на первом курсе Академии, должен был остаться на повторительный курс, следовательно, еще на год отстал от Вас. В-ча, так что, когда первый был еще только в первом курсе, Вас. В-ч перешол уже на 3-ий, а в 1880 году пришлось даже экзаменоваться у него (как ассистента) по новой общей церковной истории.

²⁵⁾ В этой диссертации он развил и научно обосновал следующие «тезисы»:

- 1) Предположение Руфина, что сочинения Оригена испорчены еретиками, не имеет твердых оснований.
- 2) Латинские переводы сочинений Оригена, сделанные Иеронимом и Руфином, не могут быть вполне удовлетворительным источником для изложения учения Оригена о Св. Троице.
- 3) В учении Оригена о Боге Отце есть подробности, благоприятствующие развитию субординационизма в учении о Сыне.
- 4) К учению о рождении Сына Вожия из существа Отца Ориген относился полемически.
- 5) Рождение Сына от воли Отца, по воззрению Оригена, нетождественно с творением в том смысле, в каком это допускали ариане.
- 6) Понятие *xxxxx* и *xxxxxx* у Оригена строго не различаются.
- 7) К учению о единосущии Сына с Отцом Ориген относился полемически.
- 8) Субординационизм – преобладающая черта в его учении о Сыне Божиим.
- 9) Различие между Отцом, как *xxxxxxx* (абсолютным Богом) *xxxxxxx* и единым истинным Богом, с одной стороны, – и Сыном, как *xxxxx*, истинно Богом, обожествляемым чрез участие в Божестве Отца, с другой, – не выясняется во всем своем объеме из различия между первым, как началом, и вторым, как зависящим от начала.
- 10) Различие между единым благим Отцом и образом Его благодати – Сыном глубже, чем простая

Публичная защита этой диссертации, происходившая 28 Октября 1879 года, спустя всего несколько месяцев, по окончании им курса, была, по словам профессора П. Н. Жуковича, «истинным праздником избранника науки, не имевшим уже себе подобных в последующей академической жизни»²⁶).

12 Декабря того же года Вас. В-ч вступил в отправление обязанностей профессора Академии. Свои первые впечатления, как профессора, Вас. В-ч следующим образом описывает в письме к другу: «Первую лекцию я читал (о Константине В.) в присутствии о. Ректора (чего не предполагал: обыкновенно представляя молодого преподавателя, о. Ректор остается не более двух минут) и стоя на кафедре (обычный знак вежливости новичка).

В субботу²⁷) я читал уже один и сидя. С своим положением до сих пор еще не освоился и стесняюсь, когда приходится сидеть на кафедре, – так что помощь тетради до сих пор (Янв. 1880) оказывается существенно необходимою. По этому (по близорукости) слушателей своих я не вижу... Другая особенность моего положения – та, что перед лекциею мне приходится бывать в читальной зале (сборная для профессоров) и там встречаться – в вицмундире, следовательно со внешним признаком равенства – с своими учителями. Переход от отношений студента к профессору, к отношениям коллеги по службе, – разумеется вещь не легкая и не ловкая. Равенства в полном смысле я, конечно, не приобрел (да, конечно, и никогда его не приобрету): при правильном, нормальном ходе всегда сохраняется нравственная разница между преподавателями старшими и (бывшими их слушателями) младшими, – между доцентами и профессорами;

разность между благодатию первоначальною и производною.

- 11) Из простого преимущества Отца, как начала Сына, не объясняются те ограничения в ведении Сына сравнительно с ведением Отца, какия допускает Ориген.
- 12) Темная сторона в учении Оригена о молитве – та, что в собственном смысле не следует молиться Сыну даже и вместе с Отцем.
- 13) Предполагаемое Оригеном различие между теми чудесами, которыя Христос творит Своєю властью и теми, пред совершением которых Он молится Отцу, – равно как различие между Отцем, как безмерным светом, и Сыном, как истинным светом и сиянием первого света, – между Отцем, как подателем бытия, и Сыном, как подателем разума, – ведет к субординационизму по существу.
- 14) Учение о единстве Отца и Сына не получило удовлетворительной постановки в богословии Оригена.
- 15) Св. Дух, по учении Оригена, подчинен Отцу и Сыну.
- 16) Воззрение Оригена, что Св. Дух от Отца чрез Сына, не согласно не только с православным учением, что Св. Дух от Отца исходит, но и с западным «qui ex Patre Filioque procedit».
- 17) Арианство, при различии его от учения Оригена в самой основе, сближается с ним в многих подробностях.
- 18) Догматика полуариан представляет весьма много общего с богословием Оригена.
- 19) Истинное содержание так называемых оригенистических споров, окончившихся осуждением оригенизма при Юстиниане, составляет борьба не против учения Оригена о Св. Троице, а против его антропологии с христологическими и эсхатологическими ея следствиями.

²⁶ Церковный Вестник 1900 г. № 16-й, стр. 492-я.

²⁷ В первый год преподавания уроки В. В. приходились, в среду и субботу.

претензия первых на полное равенство с последними была-бы показателем наглости, задора, – вообще враждебных, нездоровых отношений в корпорации... Вообще с этой стороны дела мои обстоят так, что больше ничего и желать не приходится: появление мое в круге преподавательском было принято – насколько позволяет судить моя незначительная опытность – весьма радушно всеми и каждым, с кем мне приходилось встречаться. Переход мой от известной субординации к относительному равенству облегчался тремя главными обстоятельствами: а) отношения профессоров к студентам в Академиях вообще отличаются деликатностью; б) мои принципалы, как напр. М. О. Коялович (декан церковно-исторического отделения и ординарный профессор русской гражданской истории) и И. Е. Троицкий (ординарный профес. новой церковной истории) в отношении ко мне любезны до простоты; в) я выбран единогласно, и следовательно не имею никаких данных подозревать, что ктонибудь из тех, которые протягивают мне руку, – в душе-то вовсе не желали-бы на меня и глядеть».

Составление для студентов Академии лекций по древней общей церковной истории, по словам Вас. В-ча, стоило ему не малых хлопот и отняло у него много времени и труда. Здесь он прежде всего натолкнулся на вопрос: как организовать этот курс лекций, чтобы содержание их не было повторением только общеизвестного. Дело в том, что древняя церковная история – наука в высшей степени разработанная западно-европейскими учеными, по первоисточникам, написанным на языках для них гораздо ближе и лучше известных, чем русским ученым. Таким образом, для русского профессора при построении курса предстоял бы выбор: или повторять уже общеизвестные факты, добытые другими, на основании известных им первоисточников, или только проверять основанные на этих первоисточниках взгляды. Вас. В-ч не мог удовлетвориться ни тем, ни другим. Он решил отнестись вполне самостоятельно, как к источникам, так и основанным на них взглядам, для того, «чтобы занять совершенно самостоятельное и равноправное положение среди ученых нашего времени, пользующихся общою известностию и заслуженным авторитетом в науке»²⁸). Вот как сам Вас. В-ч об этом пишет в письме к своему школьному товарищу и другу Алексею Петровичу Флоренскому²⁹) от 18 xxx 97 г.). «Когда состоялось мое назначение на кафедру (церковной истории), я дал себе слово, которое держу нерушимо и по сей час. По церковной истории пишут много. Всего написанного физически невозможно перечитать. Некоторые книги и особенно статьи недоступны потому, что очень дороги по цене. Но – решил я – не будет того, чтобы в извинение себе я сослался на то, что и важная для науки и мне доступная (по карману) книга написана *на языке мне непонятном*. По этому принципу я признал обязательными для себя языки *первоисточников древней церковной*

---

²⁸ Слова проф. И. Е. Троицкого. Церков. Вестн. 1900 г. № 16 стр. 493.

²⁹ Ныне священник села Еськи, Бежецкого уезда, Тверской губ.

истории: греческий, латинский, сирский, арабский, коптский, эфиопский и армянский». При таком взгляде на свою задачу Вас. В-ч, в своих профессорских лекциях по церковной истории студентам Академии «является не компилятором ученых исследований историков западной богословской науки, но вполне самостоятельным ученым, по первоисточникам создавшим прошедшую жизнь христианской церкви и подвергшим тщательному научному анализу установившиеся взгляды и мнения.

Его лекции отличаются не только строгою научностью, но и замечательным изяществом изложения, положительною красотой речи. По этому он всегда выслушивались с неослабным вниманием, хотя бы раскрывали сухия и отвлеченныя материи»³⁰).

Ряд ученых трудов Вас. В-ча, «так блестяще начавшийся магистерской диссертацией, шел не прерывным потоком все расширяясь и расширяясь до последних дней его жизни».³¹

О характере своих первоначальных трудов Вас. В-ч пишет: «Пока был совсем юн, не смел отказаться от поручений «старших», имевших в виду мою же карманную выгоду и написал несколько статей в Христианское чтение и Церковный Вестник. Но как только несколько страшнул с себя как гусенок воду, так и забастовал и решил писать не иначе, как по собственному усмотрению, т. е. в каждой своей статье давать *что-либо novum*, т. е. или новое положение (thesis), или новое обоснование старого и для того или вовсе не писать о том, о чем писали другие или писать *против* этих других, по крайней мере их поправляя и дополняя. На эти рельсы я стал в первой же статье: «Из церковной истории Египта: Рассказы Диоскора» (в конце 1884 года); думаю не сходил с них ни разу во все последующее время...³²) и надеюсь несойти с них до гробовой доски».

И действительно, кончая самую последнюю статью, напечатанную в Мартовской книжке «Христианского чтения» за нынешний год: «Что знает о начале Христианства в Персии история»? – Вас. В-ч нисразу не сходил с намеченного им пути.

Характеризуя внутреннее достоинство работ Вас. В-ча профессор И. В. Троицкий, один из компетентнейших лиц в той же специальности, так говорит: «под каждой фразой Вас. В-ча чувствуется широкая общеисторическая почва. Так кратко и в тоже время так содержательно и точно характеризовать целыя богословския направления с их иногда очень тонкими оттенками и так сжато и точно суммировать сущность и оттенки мнени отцов церкви... мог только ученый, чувствующий себя полным

---

³⁰ Владим. Епарх. Ведомости 1900 г. № 10, стр. 340.

³¹ Церковный Вестник 1900 г. № 16, стр. 492.

³² Многоточие здесь, равно как и в других местах, означает пропуск слова или выражения излишняго в

хозяином в своей области». ³³).

Для обыкновенной образованной публики ученые труды Вас. В-ча были в высшей степени трудны и неудобовосприимлемы. Хорошо знал это и сам Вас. В-ч. «Заурядный читатель, говорит он в том же письме к своему товарищу, от моих статей шарахается в сторону и в подписи: «В. Болотов» видит явное для себя предостережение...: до того она непонятны! Но читатели полета высшего (мои пэры по положению и оружию) остаются так довольны моими работами, что их отзывы способны утолить даже танталовское самолюбие».

Это были, конечно, историки специалисты и ориенталисты всех стран. «Его работы по истории древне-христианских коптской, эфиопской и сирийской церковей... говорит его коллега по Академии, проф. П. Н. Жукович, возбуждали живой и глубокий интерес среди специалистов всех стран. Имя В. Болотова стало известно во всех центрах европейской церковно-исторической науки, хотя он можно сказать, принимал меры против роста своей ученой славы (ни один из его коптских, эфиопских и сирийских этюдов не выходил даже в совет особым изданием, помимо печатания в «Христианском чтении» ³⁴). Этому же коллеге его по Академии, один Петербургский ориенталист рассказывал, возвратясь с недавнего Парижского конгресса ориенталистов, с каким любопытством спрашивали его о профессоре Болотове из Петербурга двое итальянских ученых, мечтавшие в Париже лично увидеть того, чьи ученые труды им были близко известны»... ³⁵).

«К сожалению, весь длинный ряд работ его по коптским, эфиопским и сирийским источникам, особенно новейших работ, еще не стал предметом совокупного специального ученого изучения ориенталистов и церковных историков. Только специальное изучение его трудов, в связи с общим положением европейской церковно-исторической науки в переживаемый момент, может со всею ясностью показать и величайшую чуткость почившего церковного историка к живым, современным запросам его науки (особенно в виду столь могущественного в наши дни научного движения в области изучения древняго Востока) и положительную научную значимость для общей истории церкви его изысканий по истории не греческих древнехристианских церковей». ³⁶).

данном мест для целей нашей аргументами.

³³ Церковный Вестник *Ibid.* стр. 493.

³⁴ Церковн. Вестник *Ibid.* стр. 493. Обозреватель положения в России науки церковной истории г. Б. Мелиоранский, считает «В. В. Болотова одним из первых знатоков церковной истории, не только в России, но и в Европе». Энциклопедический Словарь Брокгауза. Полутом 55, стр. 808.

³⁵ *Ibid.* стр. 493.

³⁶ *Ibid.* стр. 494.

По содержанию своему научные и наиболее ценные работы Вас. В-ча (не считая его магистерского сочинения) касаются главным образом древней истории церкви Коптской, Эфиопской и Сироперсидской. Главнейшие из них следующие: I. *Из церковной истории Египта*. Ревилью и его издания. «Разказы Диоскора о Халкидонском соборе» (Хр. Чт. 1884, 11-12; 1885, 1-2); «Житие блаженного Афу, епископа Пемджескаго». (1886, 3-4). «Архимандрит Тавеннисиотов Виктор при дворе Константинопольском в 431 г.» (1892, 1-2, 5-6), Appendix: «Параволаны-ли?» (1892, 7-8); «День и год мученической кончины св. Евангелиста Марка» (1893, 7-8, 11-12). II. *Несколько страниц из церковной истории Эфиопии*. «К вопросу о соединении Абиссин с православною церковью» (1888, 3-4); «Богословские споры в Эфиопской церкви» (1888, 7-8, 11-12). III. *Либерий, епископ римский и сирмийские соборы*. (1891 г., 3-4, 5-6, 7-8, 9-10, 11-12); «Сардика или Сердика?» (1891, 5-6); «Реабилитация четырех документов 343 года» (1891, 7-8). IV. *Михайлов день*. (1892, 11-12); «Следы древних месяцесловов поместных церквей» (1893, 1-2). V. *Из истории церкви сиро-персидской*. «Супурган» (1899, 1). «Sephakan Waspurakan» (1899, 1.); «Древнейшая митрополия в церкви Персидской» (1899, 2); «Смутное время в истории сиро-персидской церкви» (1899, 3); «Список католикосов селевские-ктисифонских» (1899, 4, 5, 6); «Что знает о начале христианства в Персии история?» (1900, 1, 3); «Из эпохи споров о Пасхе в конце II в.» (1900, 3). VI. *Валтасар и Дарий Мидянин*. Опыт решения экзегетической проблемы. С двумя приложениями: А. Antedatirung или Postdatirung? Спорный вопрос в Вавилонской хронологии. Б. Имя Астиагъ (1896, 9-10). Кроме перечисленных, Вас. В-чу принадлежит много и других статей, помещенных в том же «Христианском Чтении» и «Церковном Вестнике». ³⁷⁾

«Другой вид ученых работ Василия Васильевича представляет рассмотрение магистерских диссертаций и других ученых сочинений. Повидимому, не за чем ставить в особую заслугу подобного рода труды, связанные с профессорством в высшем учебном заведении. Но в руках Вас. В-ча и эти труды принимали не обычный вид: его рецензии разрастались в целые исследования, которые открывали иногда новые горизонты даже для самых ученых авторов. ³⁸⁾ Такова напр., его рецензия на сочинение проф. А. И. С.: «Древне-Христианский церковный писатель Лактанций».

В печати она заняла около 8 печатных листов. Также полны и содержательны его отзывы о других сочинениях, удостоенных ученых степеней или Макарьевских премий, напр., о трудах Глубоковского, Самуйлова, Кипарисова, Спасского и друг.

³⁷⁾ Приведенный нами список важнейших сочинений Вас. В-ча заимствован из «Перечня», составленного А. Рождественским, где поименованы и все прочие статьи. Церковный Вестник № 16, стр. 498-9.

³⁸⁾ Владим. Епарх. Ведом. 1900. № 10 стр. 341.

«Отзывы эти давали Вас. В-чу, пишет вышеупомянутый его коллега, П. Н. Ж., счастливый случай поделиться с ученой публикой результатами его глубокого, всестороннего и вполне самостоятельного изучения всей системы церковно-исторической науки... В отзывах Вас. В-ча проф. И. Е. Троицкий в свое время отметил важнейшие научные открытия, нашедшие себе в них место. Таким образом, процесс научного творчества со всею силою продолжался и в тех его трудах, которые сами по себе вызывали его только на научно-критический анализ. Что же касается этого последняго, то рецензии Вас. В-ча представляет нечто совершенное по силе мысли, и по тонкости чутья, и по экспрессии и жизненности изложения. Критические разборы Вас. В-ча можно было слушать непрерывно целые часы, не только не утомляясь, но все более ему изумляясь и им восторгаясь». ³⁹⁾ «Ученые исследования Вас. В-ча, представляют глубокий интерес даже независимо от тех положительных научных открытий, которые в них содержатся. Они представляют глубокий интерес уже с одной методологической стороны, по самому совершенству научно-технических приемов исследования... Не беря на себя характеристики научных приемов покойного историка, не можем не отметить одной черты, резко выделяющей его из толпы рядовых специалистов. Изучая ту или другую специальную область прошедшей жизни, он считал нужным быть специалистом во всех смежных с нею областях, никогда не замыкаясь в узкие рамки своей ближайшей церковно-исторической проблемы. Изучаемое историческое явление обследовалось им решительно со всех сторон, хотя из этого всестороннего обследования на рисуемую им картину подали только нужные для надлежащего освещения дела черты. Эта постоянная работа в смежных с изучаемым предметом областях сделала его превосходным специалистом в вопросах общей хронологии (тут он едва-ли знал себе равных в России), древней географии, истории древней культуры, государственного и частного быта, метрологии и проч.» ⁴⁰⁾,

«Деятельность Вас. В-ча не ограничивалась одной академической работой, одним кабинетным специально ученым трудом. К его эрудиции, к его научно-исторической чуткости прибегали и его талантом пользовались и наша высшая церковная власть, и отчасти высшее светское правительство.

Указом Св. Синода от 15 декабря 1892 года Вас. В-ч назначен был делопроизводителем в комиссии для предварительного выяснения условий и требований, какия могли-бы быть положены в основу переговоров о соединении старокатоликов с православною русскою церковью. Комиссия... получила в лице Вас. В-ча такого делопроизводителя, который и все необходимые для нея исторические справки мог дать в полном изобилии, и в формулировке условий и требований

---

³⁹⁾ Церковный Вестник *Ibid*, стр. 496.

соединения послужить делу всею силою и гибкостью своего несравненного языка». ⁴¹⁾.

Затем Вас. В-ч был призван высшею же церковною властью «принять самое близкое участие в состоявшемся 25 Марта 1898 года присоединении к православной церкви сиро-халдейских несториан. Нужно было выяснить, на каких условиях и каким церковным чином должно совершиться каноническое воссоединение их с православною церковью, а также перевести на язык присоединяемых необходимых вероисповедных формулы и пр. Тут, в этом не обычном в наши времена присоединении к православной церкви остатка ереси давно минувших веков, как нельзя более пригодились и истинно-исторический глубоко-научный взгляд Вас. В-ча на церковные канонические и жизненные отношения православной вселенской церкви V и последующих веков, и его редкое знание восточных языков». ⁴²⁾.

В последний год своей жизни Вас. В-ч назначен был Св. Синодом делегатом от духовного ведомства в особую, образованную при астрономическом обществе, под председательством профессора С. П. Глазенапа, комиссию по вопросу о согласовании нашего старого стиля с новым, принятым в Западной Европе. Как несравненный знаток церковной истории и тесно связанных с нею вопросов общей хронологии, Вас. В-ч и здесь высказал свое авторитетное суждение: по его ИССЛЕДОВАНИЯМ оказывается, что в постановлениях Никейского собора (325 г.) совсем незначится такого правила, по которому весеннее равноденствие должно навсегда падать на 21 Марта. Это постановление только *притисано* Никейскому собору для оправдания произведенной папою Григорием XIII *пасхальной*, а не *календарной* реформы, требовавшей прибавления 12 дней, а не 10. ⁴³⁾. Один из участников этой комиссии, не знавший дотоле лично Вас. В-ча и тут только в первый раз его услышавший, так описывает свое впечатление от его эрудиции.

«Присутствовало в собрании человек около двенадцати... Рядом со мною сидел человек небольшого роста, без бороды и усов, с желтым цветом лица, впалыми щеками и приглаженными черными волосами.

Обсуждение различных вопросов шло своим чередом. Сосед мой почти не принимал участия в прениях. Но вот один из присутствовавших возбудил вопрос: не следует-ли установить год Рождества Христова научно, и так точно, чтобы можно было сказать, что от эпохи Рождества Христова до настоящего момента прошло столько-то

---

⁴⁰⁾ *Ibid* стр. 494.

⁴¹⁾ Церковный Вестник *Ibid* стр. 497.

⁴²⁾ Церковный Вестник, стр. 497.

⁴³⁾ См. письмо проф. С. Глазенапа в «Новом Времени» № 8698. В № 8700 той же газеты находится более полное изложение этого положения, вместе с опровержением его толкования академиком Ф. А. Бредихиным в «России», №№ 377 и 380.

дней.

– Поэтому вопросу сообщит нам, может быть, что нибудь Василий Васильевич, обратился председатель с любезною улыбкой к человеку, сидевшему рядом со мной. Сосед мой встрепенулся. Шея его вытянулась, черные глаза заблестали.

– Я должен сказать, что, по моему мнению, год Рождества Христова лучше исключить из списка тех эпох, на которых комиссия может остановить свой выбор. Научно год Рождества Христова, даже только год, не только уж месяц и день, установить невозможно. Нельзя представить в пользу той или другой даты Рождества Христова таких доказательств, которые могут выдержать пробу научной критики. Ряд неизвестных ставить эту задачу в разряд неразрешимых. Вот эти иксы... И вслед затем посыпались, как из рога изобилия, цитаты, цифры, даты, сравнения, сопоставления, опровержения...

– Кто это? спросил я, совершенно пораженный, у другого своего соседа.

– Профессор истории церкви в Петербургской Духовной Академии, Волотов.

Я уже не спускал глаз с желтого лица профессора, которое совершенно преобразилось научным вдохновением. Блестящая лекция – импровизация продолжалась с неослабным интересом. Точно огромный, известный словарь Ларусса раскрылся и заговорил человеческим голосом. Слушатели были ошеломлены. Едва верилось, что человеческая память в состоянии сохранить такую массу учености и выложить ее при первом требовании, с кристаллическою ясностью»⁴⁴).

Это было во втором заседании Комиссии, 17 Мая, (первом, в котором присутствовал Волотов). В последующих заседаниях (напр. 31 Мая, спустя всего 4 дня после получения им «ошеломившей» его телеграммы о смерти его матери, т. е. когда ум его еще находился под угнетающим влиянием этого известия) он «выказал такую же феноменальную ученость по целому ряду вопросов! В приложениях к «Постановлениям» комиссии помещены были целыя диссертации Вас. В-ча Болотова»⁴⁵).

Не смотря на свою колоссальную ученость и свои громадные научные заслуги, Вас. В-ч был чрезвычайно скромного о них мнения и не искал ни славы, ни почестей, ни ученых степеней. Последняя как-то помимо его воли и желания сами шли к нему, возбуждая даже его удивление своим быстрым движением, необычным для того учебного учреждения, в котором протекла его служба. В своих письмах к друзьям, касаясь этого вопроса, он или опровергает высокие мнения других о своих заслугах, или

---

⁴⁴ Московския Ведомости. «Памяти профессора В. В. Болотова», 28 Апреля 1900 г. № 116.

⁴⁵ *Ibidem*.

объясняет свои успехи благосклонностию начальства, или просто своею счастливою звездою. Так, когда его товарищ по академии, М., ему однажды сказал, что весь 36 курс убежден, что он останется его представителем при Академии, то он признал такое убеждение беспочвенным, потому что на свободную академическую кафедру в то время, когда был об этом разговор и намёка не было! Когда вдруг умер И. В. Чельцов, то ничего кроме искреннего сожаления не вызвала в нем эта утрата. «Ни в одном застеночке моей души говорит Вас. В-ч, не шевельнулось ни предположения (ни даже только пожелания: «ах если-бы»...) что это и есть моя линия. Как совершенный агнец незлобивый я и думал и даже писал кое-кому, что кафедру церковной истории займет или А. И. С. (*первый* по баллам кандидат 33-го курса, окончивший Академию в 1876 г.) или же Мих. Вас. Чельцов, брат покойного, писавший уже магистерскую диссертацию профессору И. В. Троицкому и имевший окончить курс в 1878 году. А у меня не была... в Марте 1878 г. подана и кандидатская диссертация, так что было бы с мое стороны глупо и мечтать об этой кафедре!» «Карьера моя, говорит он в другом месте, проходила при ветре самом попутном. Быть «доцентом» ЛЕТ 14 – в традициях нашей Академии. Я между тем, с Октября 1885 года уже *extraordinarius*. Моим конкурентом был (вышеупомянутый) А. И. С, (у которого я слушал в 1877 – 78 г.г., как студент, лекции по латинскому языку и экзаменовался (как у ассистента при В. И. Модестове) в 1878 году). Положение щекотливое, и не диво, что выбор между нами Совет все отсрочивал (с конца Мая по конец Октября). Но отношения между мною и С... оказались неиспорченными. И в нравственное успокоение себе я мог сказать, что о таком скором возведении на экстраординатуру не мечтал и невиновен и в поклоне хоть на $\frac{1}{8}$ вершка по ниже того, чем мне предписывало мое уважение к лицу, кому я кланялся. – Волею судеб с А. И. С. я связан и в своей докторской степени... В Пасху 1896 г. являемся христосоваться к Высокопреосвященному Митрополиту. Он поздравляет С... с докторской степенью и прибавляет: «очень рад, что на этот раз дело прошло так скоро. Много помог В. В. Болотов, отзыв которого так-же, кажется, велик, как и самая диссертация». Таким мнением Синода не замедлили воспользоваться лица, ко мне благосклонныя, и во главе их достопочтенный мой учитель, И. Е. Троицкий. Он представил в Совет отзыв о всех моих ученых работах и предложил за всю их совокупность мне, уже удостоенному за них (опять на основании его же о них отзыва) звания «члена-корреспондента Императорской Академии Наук», и степень «доктора церковной истории». В заседании 21 Мая Совет постановил ходатайствовать об этом пред Св. Синодом. 19 Июля Св. Синод утвердил меня в этой степени. А Преосв. Ректор был на столько любезен, что, неделая в Совете особого (общепринятого, официального) сообщения об «утверждении», довел об этом до советского сведения, внесши свое предложение «избрать д. ц. и. э. орд. проф. В. В. Болотова на ординатуру, открывшуюся за выходом в отставку заслуженного проф. А. Л. Катанского. Еже и бысть. Таким образом я так сказать – доктор по случаю, – возмутивший воду в этом направлении

потому, что меня обстоятельства заставили написать такой отзывище».

Наконец, в другом письме (18xxx99), рассказывая о внесенном им вместе с проф. В. С. С. в Совет Академии предложении избрать за совокупность трудов в доктора богословия проф. С. А. С... пишет: «что то будет...? Докторство – за 28 лет службы. Кроме Преосв. Ректора и Т. В. Б... все члены Совета – ученики докторанта. Дело – на тему: «кому (в роде пишущего эти строки) счастье, а кому и счастьеще». И главное: докторская диссертация С. А. С. представлена еще в 1888 году!»...

Об отношении Вас. В-ча к научным степеням и почестям прекрасно и глубоко выражено в статье его друга, проф. П. Н. Жуковича, почему мы не можем отказать себе в удовольствии привести это место: «В. В. Болотов, экстраординарный проф. с 24 Октября 1885 года сам не искал докторской степени. Да и что могла прибавить докторская степень к его ученой славе? И без этой степени он давно уже был и для Академии, и для всех ученых кругов, – как-бы прирожденный доктор! Но самая докторская степень как-бы принижалась тем, что ея не имел Вас. В-ч»... И он, как мы уже знаем из собственных слов Вас. В-ча, получил ее, по представлению проф. И. Е. Троицкого, «выражавшего общее мнение и желание всех членов академического Совета»...⁴⁶⁾.

Научное значение ученых работ Вас. В-ча в истории русской церковно-исторической и богословской мысли – громадно и безпорно. К сожалению в настоящее время еще не возможно дать даже бледного его изображения, по причинам, которые указаны нами в предисловии, а также и потому, что многия из его трудов еще не изданы и находятся в рукописях. Поэтому заводить речь в настоящее время, как-бы в упрек ему, о «специальных задачах этих трудов, о темах отдельных, ученых сочинений, оставшихся будто-бы без ясной определенной связи между собою»⁴⁷⁾ было-бы крайне самонадеянно, в особенности для не специалиста.⁴⁸⁾ Ограничимся лишь напоминанием слов проф. П. Н. Жуковича, что не смотря на то, что «путь научной жизни Вас. В-ча прервался на половине», им «сделано для науки столько, сколько редкому научному деятелю удастся сделать и во весь даже очень длинный жизненный путь».⁴⁹⁾

VI.

---

⁴⁶⁾ Церковный Вестник 1900 г. № 16, стр. 496.

⁴⁷⁾ Вестник Европы 1900 г. № 7, стр. 416.

⁴⁸⁾ Когда наша брошюра уже печаталась, появилась статья о научном значении трудов Василия Васильевича профессора-ориенталиста В. Тураева, к которой и отсылаем интересующихся этим вопросом. См. жур. Мин. Нар. Просв, часть СССXXX (1900 г., № 8) отд. 4.

⁴⁹⁾ Церковный Вестник 1900 г. № 16, стр. 498.

Василий Васильевич – частный человек

Таков был официальный Вас. В-ч, как ученый и профессор в высшем учебном заведении. Но у всякого человека помимо официальных отношений и обязанностей есть другая, не официальная, – к родным, друзьям, родине, те или другие вкусы и привычки и проч. Все это, вместе взятое, характеризует человека не в меньшей степени, а иногда даже в большей, чем его общественная деятельность.

Из приведенных выше выдержек из его писем, мы уже отчасти кое-что знаем о нем, как о человеке. Теперь нам предстоит сказать об этом возможно более. И прежде всего, об его отношениях к своей матери. Если позволить себе некоторую гиперболу, то можно сказать, что он почти ни на минуту не забывал этого дорогого для него существа – и той «дорогой точки на земном шаре», где она жила. Письма ей писал почти ежемесячно и сверх того обязательно к празднику Пасхи, к Рождеству и новому году, ко дню ея ангела и к храмовым праздникам местной Кровотынской церкви (21 Ноября, 1 Мая и 20 Июля). Письма эти исполнены горячей любви к своей родительнице и сердечной заботливости обо всем, касающемся ея нужд. Он рассказывает в них о всевозможных своих делах, и своих знакомых, дает советы и указания, просит не скучать в разлуке с ним, посылает ей, а чрез нее и другим лицам разные гостинцы, а в последнее время исполнен особой заботливости о ней по случаю ея болезни.

В доказательство сказанного приведем несколько заслуживающих внимания выдержек из них.

«Спб. 13 февраля 1890, вторник. Будьте здоровы, моя милая, дорогая маменька М. И. С наступившим постом Вас поздравляю и сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 1 февраля... Душевно рад, что посланное доставило Вам удовольствие. Полный круг двенадцатых праздников я послал Вам и для себя почти неожиданно. В Январе пришлось читать мне статью нашего профессора П. об этих иконах, изданных Троицкою Сергиевою Лаврою, что оне в большей части скопированы со старинных греческих икон. Я Вам уже говаривал, что в воротах в Невскую Лавру слева теперь устроена книжная лавка Братства Пресвятой Богородицы. Зашел я туда купить там Троицких листков, да и спросил на случай, нет-ли у них и Троицких олеографий? – Есть говорят. На одной доске всех праздников нет; но есть отдельно. Я пересмотрел; вижу, что рисунок вообще чрезвычайно правильный и вздумал послать их Вам. А так как средняя икона здесь «Сошествие Христа во ад,» то я взял отдельно и 14-ю «Воскресение», тем более, что она написана так верно, как вообще у нас писать не умеют. (Христос выходит (а не взлетает) из гроба»). Далее Вас. В-ч дает матери подробнейшее наставление, как эти иконы расположить и вставить в особую рамку,

прилагая даже точный ее рисунок.⁵⁰⁾

В одном из писем 18xxx92 г. говорит чрезвычайно тепло о вступлении в Академию в качестве ее начальника о. архимандрита Бориса, – о приветливости Высокопреосв. Палладия и внимании последнего к нему лично, при представлении академической корпорации, как своему новому высшему начальнику...

В письме от 18xxx95 г. предостерегает свою мать от слухов об опасностях о наводнениях в Петербурге: «Если до Кравотыни дойдут слухи о бедах от наводнений в Петербурге, то Вы знайте, что Лавра и Малый Невский – самое возвышенное место в Петербурге, от наводнений огражденное самою природою». Однажды Вас. В-чу почему-то вздумалось сосчитать сколько шагов от его квартиры (Невский 182. № 5) до Академии и он пишет матери: «насчитывается то 1680, то 1700. Это будет до 469 сажен. Городок! И близко, а чуть не с версту. Не даром в письме ко мне один Киевский профессор, собиравшийся в бытность в Петербурге побывать у меня еще раз и не собравшийся, объясняет: «ну и расстояния же ваши Петербургския! Выедешь – думаешь пять дел сделать, едва успеешь два обделать, и день кончен: все ушло на переезды». В письме от 18xxx95 г., пишет: «от всей души желаю Вам, дорогая маменька, всех благ от Господа, душевных и телесных. Не грустите и не скучайте. И если думаете о прошлом, то вспоминайте его не затем чтобы «набирать» всяких себе огорчений». В письме от 18xxx96 г. рассказывает о своем отношении к экспедиции, отправившейся 25 Марта из Петербурга в Абиссинию, в виде маленького лазарета. «Не обошлось без касательства и до меня... Явился абиссин иеродиакон Габра-Крыстос и сказал мне, что меня желает видеть гвардеец гусар Булатович, едущий в Абиссинию. Оказалось с вопросом: какую бы грамматику и лексикон амхарского языка достать.

---

⁵⁰⁾ Кстати скажем, что Вас. В-ч, сверх прочих своих знаний, делал попытки выучиться и рисовать, и даже красками. У пишущего эти строки находятся две иконки, нарисованные им, одна – пером, на белой материи с красной подкладкой, (размером 2X4 д.) и представляющая лик Божией Матери с Младенцем на руках, с надписью внизу MR, с правой стороны מרררר а с левой פנייהלו; с задней стороны красной подкладки есть еще изображение двух крестов

	P		M		
	O	R	A	A	
	O		O	R	A
	N		I		
составленных из букв, таким образом:	O	и	A	, другая –	
	B				
	I				
	S				

на бумаге, написанная акварелью (размером 3x4 д.) изображающая трех святителей с надписью: *S. Vasilius, S. Gregorius, S. Ioannes*. Образки эти постоянно хранились в библии, принадлежавшей Василию Васильевичу и подаренной его матерью еще при его жизни местному священнику о. Н. М. В. – Иконки, как кажется, должны были служить изображением Ангелов: Вас. В-ча – 1 Января, и его матери – 1 Апреля.

Обещал написать ему заглавия. Только пришел к себе домой, является иеромонах А. Г... прикомандированный в качестве священника в этой экспедиции, – по повелению В. М., так сказать, за инструкциями ко мне, как ему Г. надлежит держать себя, и что наблюдать в Абиссинии... Обещал написать ему некоторые вопросы и наставления и прописал их все свободное от службы время в великую субботу. После Г. пришлось еще принять медика-студента, который тоже явился ко мне за справкою относительно грамматики и лексикона»⁵¹). В письмах Вас. В-ча к матери выдается помимо всего прочего, еще его необыкновенная деликатность, выражавшаяся самым разнообразным способом. Так, пиша к своей крестной 18xxx99 г. ко дню ангела своей матери, во время ее последней болезни, он сомневается, возможно-ли передать ей это поздравление, чтобы ее не обезпокоить воспоминанием лучших дней, когда она с радостью и лично могла прочесть его поздравление. Он пишет: «поздравление шлю чрез Ваше благоусмотрительное посредство, опасаясь, что – может быть – состояние больной таково, что всякия напоминания ей, что она – именинница, только по напрасну ее растревожат. И вы может быть признаете за лучшее оставить ее в покое»... В другой раз, в разговорах с матерью, она заговорила о своем духовном завещании, видимо чрезвычайно тяготясь мыслию о нем; Вас. В-ч, прочитав его, не решился сказать ей, что его нужно еще переписать, и оставить место для свидетелей. Его слова следующие: «Незнаю, уцелело-ли духовное завещание матушки, писанное ея рукою. Не смотря на то, что она сама надумалась написать его, и она сама же показала его и мне, когда делала приписку об образе Сретения, – мысль о духовной так тяготила ее, что словно она сама себе могилу рыла. И я не решился, сказать ей, что эту духовную ей нужно переписать на листе и оставить место для подписи свидетелям».

После матери самыми близкими к Вас. В-чу лицами были его друзья по родине, училищу, семинарии и академии.⁵²) В обращении с ними он также был в высшей степени деликатен, называя всех всегда «Вы», по имени и отчеству и никогда неизменяя этому правилу. Переписывался он со многими, но не всеми и, при том, как

---

⁵¹ Чрез год, в письме к другому своему приятелю, Вас. В-ч пишет по поводу этих лиц: «С весны текущего года у меня прибавилась еще новая *самозванная* профессия. Наши медики, бывшие в Абиссинии все вернулись кавалерами эфиопских орденов. Грамоты их писаны на «амарынья», живом, разговорном языке Абиссин, который не больше похож на эфиопский, чем французский на латинский. Но я назвался груздем по части *гыызы* – пришлось лезть и в амхарский кузов. Взятся переводить эти грамоты, потому что в Петербурге в Марте не было человека с надлежащим цензом, который «амарынья» понимал бы лучше меня. (Теперь Лейб-гусар корнет А. К. Булатович вернувшийся из Абиссинии, и говорит и немного пишет на этом языке). Почти все документы наших эфиопских кавалеров прошли чрез мои руки. Даже пред самым отъездом в Пернов (Лифляндской губ., куда Вас. В-ч ездил лечиться грязевыми ваннами летом 1897 г.) пришлось по желанию Азиатского Департамента Министерства Иностранных Дел рассмотреть 23 Эфиопския грамоты».

⁵² С братом и сестрой от первого брака своего отца Вас. В-ч и его мать не имели ни каких сношений.

то периодически неправильно: то не редко, то совсем прекращал, то не пиша долго, вдруг вспоминал и писал громаднейшия послания, представляющия из себя чуть-ли не целую автобиографию. Причины сего весьма понятны: это – значительная и постоянно изменявшаяся разница в общественном положении со многими из них и следовательно отсутствие подходящего материала для обмена мыслей, а главное – его чрезвычайная занятость своими учеными работами, непозволявшая ему аккуратно вести даже деловую переписку с своими коллегами по другим академиям... Поэтому некоторые его друзья, имея в виду, как дорог ему каждый час его времени, старались не обременять его перепиской по поводам незначительным. Так, пиша к своей матери, по поводу письма одного Осташковца, на которое он за недосугом не может дать ответа, он прибавляет: «у меня даже и девловыя письма к коллегам по другим Академиям ждут своей очереди по целым месяцам; а с добрыми приятелями, к которым я сердечно расположен, я совсем не веду переписки (стоит вспомнить Вам только NN, NN, NN), за недосугами».

В Петербурге Вас. В-ч жил сначала в Перекупном переулке, д. Гулина, № 6, а затем на двух квартирах на Невском, (№№164 и 182) и на последней из них оставался до самой смерти. Первая квартира представляла из себя одну комнату в 5-м этаже, 11 шагов в длину и 6 в ширину», с одним большим окном. С квартирою полагался стол из трех блюд, прислуга, ставка самоваров и за все это платил 25 руб. в месяц. На Невском (№164) квартира была по просторнее (2 комнаты и прихожая), но также на дворе и в 3 или 4-м этаже. Убранство квартиры было весьма скромное: в зале находился его рабочий стол, заваленный тетрадами и массою книг на всевозможных языках, диван и небольшое количество стульев; в другой комнате стояли полки с книгами – собственной библиотекой Вас. В-ча. Это было единственное его богатство, на приобретение которого он не жалел своих средств: «за 18 лет моей службы, пишет он в 1897 году, накопил довольно порядочную библиотеку... Когда ея главная масса была в текущем году перемещена на новую (всего *третью* в Петербурге) квартиру, хребты носильщиков определили ея тяжесть приблизительно в 80 пудов. И в собирании книг мне везло, как слепому: попадались под руку (и за сравнительно дешевую цену) такие горностаи, которые на всемирном рынке едва-ли и в 20 лет по одному разу появляются. По части книжной я привык жить барином, избалованным роскошью». Наиболее ценныя книги он любил переплетать в цветные корешки.

Учеником семинарии и студентом Академии Вас. В-ч не часто ездил на каникулы, по неимению средств, когда же сделался профессором, то ездил туда почти каждое лето. Как он проводил здесь время, – это пусть лучше расскажет нам очевидец, его друг Михаил Александрович, литературными способностями которого Вас. В-ч не раз

восхищался.⁵³).

По его словам образ жизни здесь Вас. В-ча был «в высшей степени поучителен и поразителен своею простотою. Семена веры, любви, смирения, незлобия, истины и всех христианских добродетелей, посеянные редкостной его матерью в его детском, добром и отзывчивом сердце, принесли обильные плоды, трудные для подражания и достойные удивления».

С «милой», «дорогой» маменькой Вас. В-ч бывал за каждым богослужением, в воскресные и праздничные дни, в своем сельском храме. (Вас. В-ч сам не любил петь, и в церкви стоял или в алтаре, или на левом клиросе, когда не было певчих, или в отдаленном углу храма). Кроме того, он ежегодно участвовал в процессии крестного хода, совершаемого 12 Июля из их сельского храма в часовню Троеручицы, лежащую в 3-х верстах от села, на полпути в Нилову пустынь. (12 Июля сюда собирается богомольцев из Осташкова и ближайших деревень и приходов до 5000).

Затем Вас. В-ч, пред отправлением в школы и на службу в Академию, имел обыкновение в Августе месяце ходить с маменькой в Нилову пустынь, для поклонения мощам Угодника. Сюда они отправлялись из села по раньше, чтобы успеть к началу поздней литургии. Не смотря на продолжительность богослужения⁵⁴) Вас. В-ч выстаивал всю литургию и выслушивал молебен преп. Нилу, после чего заходил, бывши студентом и профессором Академии, к настоятелю о. архимандриту Арсению для получения благословения и для беседы⁵⁵). Духовная жизнь архим. Арсения не могла не влиять на душу Вас. В-ча, знавшего его с детства и получавшего от него благословение при каждой встрече. Беседа Вас. В-ча с о. архимандритом затягивалась с

---

⁵³ «Искренно благодарю Вас за удовольствие, доставленное мне обоими Вашими письмами... Оба они в своем роде совершенство»... «Могу только поздравить Вас, мой любезнейший с... мастерским произведением Вашего пера»...

⁵⁴ В пустыни утренняя продолжается 4-6 часов, обедня 3-4 часа, а вечерня 2-3 часа. Особенно благолепно богослужение было при архим. Арсении.

⁵⁵ О. Арсений был уроженцем села Щучья, соседнего с Кравотынским, сын бедного дьячка, уволенный по малоуспешности из первого класса Осташковского духовного училища, поступивший послушником в Нилову пустынь еще в отроческих годах, прошедший все послушания и все чины монашеской жизни до гробового иеромонаха и ризничего; трудом, терпением, молитвою, постом и раздаянием милостыни обративший на себя внимание архиепископа Филофея и заслуживший его любовь; бывший с 1863 по 1871 год игуменом Осташковского Житенного монастыря; с 1871 по 1898 г. управлял Ниловою пустынью, где церковную службу поставил на должную высоту. Он любил церковь, уединение в келлии, молитву и пение столповое; его можно назвать постником аскетом. Его торжественное, благоговейное и продолжительное богослужение не действовало утомительно на богомольца; его возгласы, выразительное, протяжное и отчетливое чтение, движения и поклоны производили на богомольцев неизгладимое впечатление... О архимандр. Арсений в богослужении был неподражаемым учеником архиепископа Филофея, который за это, вероятно и любил его. Примечание М. А. Рязанцева.

1-2 час. по полудни до вечера, и радушный хозяин, упоенный сладостными речами редкого, дорогого гостя и незаменимого собеседника, когда он был уже профессором, приказывал отвезить его обратно в коляске или карете до Кравотыни. Однажды и сам посетил Вас. В-ча в его родной и убогой хижине, подъехав к ней на тройке вороных, в красивой, ясной сбруе. Кроме Ниловой пустыни Вас. В-ч на каникулах никогда никуда не отлучался. Впрочем, однажды навестил меня, своего друга в пог. Переволоке, в доме моей матери и провел 2 ночи 12 и 13 Августа 1878 г. Здесь он, в нашем храме стоял утреню и литургию в воскресный день. На этот раз ему почему-то врезался в память 5 стих 21 гл. читанного в этот день Евангелия Иоанна: «Дети, еда что снедно имате», – послуживший ему поводом для написания мне письма от 31 Октября того же года... В моем селе он гулял по полям и берегам озера Селигера, любуясь кольцеобразным расположением деревень по его берегам.

Ветхий домик его матери, (уже не существующий ныне), в два окошечка с лицевой стороны, стоял рядом с домом местного священника, против северо-западного угла церковной ограды, фасадом на запад. Внутри он заключал в себе пространство в длину 9, а в ширину 8 аршин; два окна были обращены на запад, два другие на север, в улицу села. Убранство этого ограниченного пространства, остававшегося без перемены во всю жизнь Вас. В-ча, было таково: во всю длину западной стены стояла не широкая, некрашенная и несдвигающаяся с места лавка; около середины ее и против простенка между двух окошечек, стоял старинный дубовый стол с двумя выдвигаемыми ящиками; он был всегда накрыт холщевой скатертью, с цветами и узорами, – работы местных мастериц; около стола стояло несколько табуретов и два тяжелых стула. На эту мебель обыкновенно садились хозяйка с своим «сынушкой» и притом так, что Марья Ивановна всегда сидела на табурете, а «сынушка» против нея, на лавке. Если-же случался гость или гости, то почетные места на лавке занимали они, а Вас. В-ч садился на табурете рядом с матерью. В переднем углу под божницею стоял еще столик, на котором лежали книги хозяйки и ее сына; он же был и его рабочим столиком. Чайный шкафчик, старинные часы, – друзья одиночества М. И., и ее занавешенная постель, в углу у входной двери – составляли остальную обстановку и убранство жилища, в котором вырос и жил наш колосс знания и мысли, – Вас. В-ч.

Во время летних каникул Вас. В-ч вставал в 7 – 8 часов утра и отправлялся купаться на озеро Селигер, за версту от села, на одно удобное, не глубокое и песчаное место; плавать и нырять он не умел и, должно быть, боялся, помня смерть отца. К месту его купанья от его следов к концу каникул образовывалась тропинка, пролежавшая частью песками, частью можжевельником и сосняком. После купанья начинался чай, который его маменька приготовляла к приходу его с купанья, а затем чтение, письменные работы на разных языках, разговоры и хождение по комнате, в качестве отдыха. Кстати о напитках. Учась в училище Вас. В-ч пил сырую или отварную воду, а чая не пил, по

недостатку средств; в семинарии же пил исключительно чай, так же и в академии, когда был студентом, когда же сделался профессором, то стал употреблять еще кофе и шоколад, приготовлением которых занимался сам. Обедал Вас. В-ч в промежутки времени между 12 и 2 часами, смотря потому, когда поспевал обед у Марьи Ивановны; после обеда совершал прогулку по селу или в поле, или играл в шашки с гостем, всегда оставаясь победителем.

Прогулки Вас. В-ч любил делать большею частию с товарищем или гостем, и оне были далеки (2 – 3 вер. в один конец) и продолжительны. В это время речи лились из его медовых уст неизсякаемым ключем, касаясь самых разнообразных сторон ученой и общественной жизни.

Встречаясь с крестьянами, он всегда с ними здоровался, а иногда и разговаривал с более знакомыми, с женщинами-же никогда, не имея вообще к ним симпатии.

После прогулки – вечерний чай и наименее приятнейшия беседы. «Никогда я не забуду тех вечеров, говорит Михаил Александрович, в которые он, бывши еще студентом, а потом доцентом Академии рассказывал мне по целым часам, не смолкая, читанныя ими им книги, ходя по комнате с сияющим от восторга лицом, при виде производимого им на слушателей приятного и воодушевляющего впечатления».

В совершенстве он знал отечественную историю с археологическими изысканиями о ней; прекрасно знал он жизнь западных народов и часто многое рассказывал из нея. Иногда увлекался разговорами об открытиях в астрономии: звездный мир и законы управляющие им, он так-же хорошо знал, как и все другия области знания, ⁵⁶) даже кончая самыми обыденными, житейскими сведениями, никогда не высказывая ничего такого, что-бы отзывалось неопытною или наивною, как это не редко случается с иными великими и не великими людьми... Серьезные, полные интереса и увлекательные рассказы он иногда, но весьма редко, чтобы не смущать слабого духа своих слушателей, перемешивал с рассказами о наивных заблуждениях иностранных богословов – отрицателей, смотревших на чудеса в церковной истории с естественной точки зрения...

В одно прекрасное утро 1880 года он зачитал наизусть постановления св. отцов 1-го Вселенского собора и подписанныя ими грамоты с перечислением имен и титулов отцов сначала по гречески, а потом по русски... Любил приводить на память некоторые параграфы наших гражданских законов и противопоставлять им не предусмотренныя

---

⁵⁶ «Рассказывают, что однажды Вас. В-ч осматривал обсерваторию и в беседе с заведующим ею обнаружил такая основательныя и обширныя познания в астрономии, что тот спросил его, в каком учебном заведении он преподает астрономию, и был крайне удивлен, когда услышал, что пред ним профессор церковной истории в духовной Академии». Владимирския Епархиальныя Ведомости № 10,

явления, объясняя это происходившими переменами в строе общественной жизни. Рассказывал мне, как он познакомился с Абиссинским языком, а также с литературой и историей этого народа. Это относится к началу 80-х годов. В Петербург приезжал из Абиссинии некто Ашинов, доброволец из казацких офицеров, несколько лет проживший при дворе Негуса и хорошо изучивший язык, нравы, обычаи и всю жизнь этого народа. Вас. В-ча мне показывал и его портрет – гравюру из какого-то журнала. Ашинов привозил с собою несколько абиссинских грамот и несколько раз был в квартире Вас. В-ча; они подолгу беседовали между собою об интересовавших их предметах, и следствием этих бесед явилось в «Христианском чтении» сочинение Вас. В-ча по истории Абиссинской церкви. Вас. В-ч читал и коран и много рассказывал мне о верованиях магометан. Вообще Вас. В-ча все занимало, всем он интересовался, кроме газет, к которым, как и выше уже сказано, не имел особенного пристрастия, и за которые он брался только от «нечего делать»⁵⁷)...

Но таких свободных минут в его жизни даже в каникулярное время почти не было: если не работали руки (разумею мелкие сочинения, заметки, математические выкладки, которых было множество в доме его матери), то ум его создавал планы для будущих работ... Сколько приятного, полезного и поучительного вынес я из бесед с этим великим ученым мужем, какого мне никогда и нигде больше не придется встретить, – восклицает с очевидною сердечною скорбью рассказывающий нам об этом его друг М. А.!

В минуты умственного отдыха Вас. В-ч помогал матери в ее домашних хлопотах: ходил с ведром за водой на озеро (до поступления на службу), согревал в сенях самоварчик и подавал на стол, готовил чай и чайные приборы, накрывал стол для обеда, открывал и закрывал печную трубу, для чего лазил по лестнице в сенях на

стр. 343.

⁵⁷ Будучи доцентом и профессором он на каникулы в Кравотынь выписывал «Новое Время», урывками его читал, вырезал ножницами более интересные статейки и заметки, а остальное бросал. В одном из писем Вас. В-ча к Мих. Александровичу есть более подробное указание на то, как он относился к периодической литературе в периоде своего профессорства. Так в 1883 году он пишет: «Если Вам любопытно заглянуть в не секретные «тайны» моего рабочего стола и книжного шкафа, то Вы увидели-бы, что я никакой ежедневной газеты не выписываю и не читаю их даже и там, где есть возможность «пробежать» их. Просто на просто нахожу, что я воздам достаточную дань «внимания» «современной действительности», если потрачу досужий час – полчаса в субботу на ознакомление с нею по № Церковного Вестника. Других русских газет, даже и еженедельных, у меня не бывает и я не дотрогиваюсь до них, где и встречаю. Получаю еще еженедельную *Немецкую Luthard's Theologisches Literaturblatt* (Богословский Литературный Листок) из Лейпцига, который и изволит мне докладывать еженедельно о всякой книге, почти о всякой статье выходящей на немецком языке и способной интересовать богослова, так что я могу всегда держать на прицеле каждую птицу, вновь вылетающую из этой обширной заводи, где конечно много и «дичи». Затем читаю лишь ежемесячные журналы и книги».

чердак. Ни от чего и никогда он не отказывался, когда был свободен, а напротив даже еам старался быть всем полезным. Когда же был занят своим делом, то мать никогда не отвлекала его от него.

Занятиям он посвящал большею частью вечера, а иногда и послеобеденное время, когда их было много. Это были большею частью его очередныя академическия работы, составление лекций, реценции представленных ему на рассмотрение сочинений на соискание ученых степеней, приготовление к диспутам, чтение, выписки и разбор самых последних, заграничных книг, которыя он всегда привозил с собою из Петербурга. В числе этих книг были: турецкия, арабския, сирийския, коптския, а также копии с египетских иероглифов, с вавилонских цилиндров, которыя он показывал и объяснял своим друзьям... На окошке у него постоянно лежал католический служебник, in 32xxx, который Вас. В-ч дословно знал наизусть...

«1877 и 1879 г. г. были самыми дорогими для меня, говорит Михаил Александрович, по моим сношениям, переписке Вас. В-ча со мною и моим частым пребываниям в доме его матери, где я чувствовал себя своим человеком. В одно из таких пребываний... я, занятый мыслию – что будет с ним по смерти его матери, – позволил себе спросить у него: не последует ли он примеру других ученых, не расположенных к супружеской жизни, принятием монашества? «Ни, ни! Не думал и не думаю», ответил Вас. В-ч и сейчас-же завел речь о монашестве и – каково оно было в первые века христианства...

С 1880 года мои свидания и переписка с Вас. В-чем сделались реже: мы расходились на жизненном пути: он возвышался на служебном поприще, углубляясь в недра и тайны науки, а я, оживившийся, все более и более преклонялся долу, обзаводясь семьею и в конце концов, после 10-ти летней земской и городской учительской жизни, совершенно «опогостился»... Удаленный от Кравотыни разстоянием в 24 версты, по прямому пути, и отделенный в двух местах переездами чрез озеро Селигер, занятый хозяйством и служебными обязанностями, я с трудом находил для себя возможность хотя однажды в каникулы сходить к Вас. В-чу и провести с ним хотя несколько часов в приятной беседе. В последние годы моих свиданий с ним я не мог оставаться у него ночевать... по недостатку помещения, вследствие которого даже сам хозяин, – знаменитый ученый – спал в сенях за занавеской!...

Беседы Вас. В-ча с каждым годом становились серьезнее, короче, содержательнее и труднее для нашего восприятия. В это время и шутки его, как высоко-ученого профессора, были реже и оговорки и ошибки гостя нередко дорого ему стоили... Он был врагом козней, лукавства, обмана, лжи, ссор и всяких неурядиц и великим и сильным проповедником мира, любви, истины, всякого добра и снисхождения к

недостаткам других⁵⁸).

С местным священником села Кравотыни, о. Н. М. В-м, Вас. В-ч находился в самых дружеских отношениях; последний высоко ценил это внимание и с своей стороны платил ему такую же горячую преданностью.⁵⁹) Батюшка этот почти ежедневно бывал у Вас. В-ча, когда он гостил летом в домике своей матери, беседовал с ним и беседы их нередко затягивались до самой поздней ночи. Свидетельства этого батюшки, знакомство которого с Вас. В-чем началось с 1892 года, имеют то значение, что они относятся к характеристике личности Вас. В-ча в самые последние годы его жизни и таким образом служат как бы завершением ее. Все выше сказанное М. А-чем, они подтверждают и повторяют, но сверх сего заключают в себе и нечто новое, дополняющее, что можно было наблюдать в последние годы его жизни. По его словам, время в селе Кравотыни Вас. В-ч проводил всецело за книгою. Читал он больше немецкия книги... В одну из вакаций занялся исключительно чтением Лактанция по изданию Австрийской Академии наук. Он готовился писать отзыв на сочинение проф. Садова. Помогал матери по хозяйству: сам ставил самовар и готовил обед, состоявший из яиц, молочной каши и чашки шоколаду или кофе. А в последний 1898 год ему даже приходилось ухаживать за своею больною матерью. Чрез каждые три дня занимался вычислением истинного полдня для села Кравотыни.

В обращении он был весьма прост, хотя и отличался некоторыми странностями. «Не смотря на все мои просьбы, говорит батюшка Н. М., посетить меня, он выражался так: «уж извините меня: у меня так заведено – ко мне пожалуйте во всякое время, а я немогу», – и действительно, сдерживал свое слово. В Кравотыни он почти ни к кому не ходил. Таким он был до 1898 года, но в этом году (на вакаций 1899 года он в селе не был) был замечательно противоположен и очень часто и без всякого зова сам заходил и просиживал у меня в доме довольно долго. Чем это объяснить?... Не знаю»... Нам кажется, что причина сего заключалась в том, что Вас. В-ч с этого года и даже ранее на все земное уже смотрел не земными глазами: раньше его склонность к уединению и избегание женского общества, еще могли заставить его уклоняться от появления в обществе мало знакомых лиц, а тем более шумном, теперь же, болезнь матери, уже почтенной старушки, 73 лет, и свое собственное значительно сломленное трудами здоровье,⁶⁰) не могли не навести его на мысль о близости как для его матери, так и для

---

⁵⁸ Слова М. А. о Вас. В-че мы передали везде почти буквально, с незначительными лишь пропусками, перестановками и кое-какими стилистическими изменениями.

⁵⁹ «Мысли мои, говорить он, путаются при воспоминании о благороднейшем и любезнейшем Вас. В-ч, расположением которого я не заслуженно пользовался»...

⁶⁰ Еще в 1897 году он писал про свое здоровье: «мой организм представляет дырявое решето, если не руину. Желудок изменяет предательски. Ревматизм и *haemorrhoides*. Последния накликали на меня

него самого, того рокового момента, пред которым бледнеют всякия земныя симпатии и антипатии... Предвидя близкую смерть матери и предчувствуя свою собственную, взгляд его на мирския дела и людей расширился, одухотворился и невольно преобразился... «Разговор у нас, продолжает батюшка, велся положительно о всем, касался даже и сельского хозяйства, где Вас. В-ч тоже высказывал свое обычное веское слово. Один раз разговорились мы о приемных экзаменах в Академии... По этому поводу он высказал свое мнение, что в Академию должен поступать семинарист вполне владеющий древними языками, а особенно греческим. Дело на экзаменах должно стоять так: оставить грамматику и все прочее в сторону, а дать ученику греческую книгу, заставить его прочитать страницу текста, а потом попросить передать содержание прочитанного. Кто сделает это, того свободно можно зачислять в ряды студентов, а в противном случае – нет. Высказывал также мысль, чтобы всем окончившим курс в семинарии, вместо Библии на славянском языке, выдавался Новый Завет на греческом языке, или даже служебник. Славянскую книгу приобрести везде можно, но этого нельзя сказать о греческой. Подобная греческая книга для окончивших курс представляла-бы большой интерес»...

Но главным образом речь его шла о делах Академических: он подробно рассказывал о получении тем или другим лицом ученой степени, о коллоквиумах, о тех или иных предположениях в будущем Совета Академии и своих собственных. Чрезвычайно характерным и обильным жизненными подробностями является в его передаче, напр., рассказ о замещении бывшей вакантною в Академии кафедры греческого языка предложенным им кандидатом N, вопреки кандидатуре другого лица N... К сожалению, по многим причинам, этот рассказ, равно как и другие, касающиеся академических дел еще не могут быть опубликованы в настоящее время.

Во время прогулок с встречавшимися знакомыми крестьянами он приветливо здоровался, иногда останавливался и разговаривал. Крестьяне весьма любили его, но пока он жив был, еще ясно не сознавали, с каким великим человеком имели счастье беседовать... И только теперь, когда его не стало, и когда распространился между ними «Венок» на его могилу, они поняли, какого человека они лишились... Теперь многие по свидетельству того же батюшки Н. М., со слезами на глазах читают этот «Венок».

Из рассказов очевидцев нам еще известно, что Вас. В-ч в этот период времени особенно приветлив был с мальчуганами – односельчанами, учениками Осташковского духовного училища. Встретившись с тем или другим из них во время прогулки, он, бывало усадит его с собой рядом и долго спрашивает об ученье в Осташковском духовном училище, где учился и сам и провел детские годы. «Да, говорил он одному из

острую, резко выраженную анемию. Моя физиономия, поэтому не из цветущих. Труповидна в достаточной степени»...

них, на меня сильное впечатление производят воспоминания о детстве и жизни в училище, – они мне очень приятны». Иногда начнет рассказывать, как он учился в этом училище и как было трудно учиться и жить в то время: «в лапотках, бывало, хаживали» – заметил он однажды. Ноговорившись вдоволь, он подаст руку собеседнику и скажет: «до свидания, а я почитаю еще немного, – интересная книга»!

Деревенские мальчишки очень любили его, приносили ему, а когда его небыло, его матери яблоков, грибов и проч. и за все это были Вас. В-чем щедро вознаграждаемы.

Знакомо его доброе сердце и щедрая рука и нашим семинаристам – Осташковцам. Не очень давно, кажется в 1898 году, случилось им ехать на родину одновременно с каким-то господином, которого они приняли за купца и не обращали на него никакого внимания. И он тоже дорогой не заговаривал с ними, а только изредка поглядывал в их сторону. Оказалось, что у них не хватило денег на продолжение пути: они и стали совещаться между собою, кому из них и в чем следует себе отказать, чтобы натянуть капиталов на продолжение пути. Вас. В-ч все это слышал, подошел к ним и узнав, сколько им недостает денег, вынул и отдал им их. Только тут они узнали, кто ехал с ними...

Этот батюшка, а также еще крестная мать Вас. В-ча – Е. И. К. были в последние два года посредниками между Вас. В-чем и его больною матерью, в письмах к которым Вас. В-ч исполнен глубокой благодарности за все их заботы и попечения об его матери во время ее 18-ти месячной болезни, а после ее смерти – за распоряжения и устройство ее земных дел.⁶¹⁾

VII.

Болезнь Василия Васильевича, последние дни его жизни и кончина

Не смотря на значительную разность в годах, Вас. В-ч только на 10½ месяцев пережил свою мать. Несомненно смерть последней ускорила течение его собственной

---

⁶¹⁾ В одном из писем Вас. В-ча есть следующие строки, касающиеся этих дел, которые мы считаем нужным привести здесь. «Незнаю, уцелело-ли духовное завещание матушки, писанное ею рукою. Но дело – все равно – в том, что покойная желала домишко свой отказать в церковь. В Кравотыни конечно все знают, что никаких наследников у нея, кроме меня, не осталось. А потому и нужно без всяких церемоний исполнить ее волю. Дом очевидно стоит не на месте, а потому его продать на слом-ли, на дрова-ли, и деньги положить в церковь. А «недвижимость» по стоимости такова, что о ней и говорить не стоит. Мне-же, как я просил, пришлите лишь образ Спасителя (в венчике) (под стекло лучше подложить бумаги или хоть ваты; на случай если и разобьется стекло, так не исцарапает образа). Да еще прошу прислать все *Кривоупынсктя* фотографическия карточки».

болезни, развивавшейся постепенно и начавшейся очень давно. Начало ее относится без сомнения к эпохе самых усиленных его научных работ. Еще в 1896 году лето он должен был провести в Петербурге, потому что появились первые признаки болезни, – как следствие сидячей жизни, – опухоль ноги, вынудившая его обратиться к помощи гофмедика Байкова. «Если-бы опухоль появилась у меня, пишет сам Вас. В-ч, на обеих ногах, то мое дело было-бы плохо. Но на одной ноге – ничего. Болезнь от внешней причины (теперь я и сам постиг – Байков мог только предугадывать, что это может быть следствием привычки – закладывать нога на ногу), – что это от моего обычая – когда пишу – держать иногда фунтов по 15 книг на левой ноге под нажимом левого локтя). Но во всяком случае без латинской кухни не обошлось. Принес 3 рецепта. Нужно мазать иодом с каким-то еще составом. А главное – несколько дней покоя. Холода и тем паче холодной воды моя нога не выносит. Как пойдет ее лечение в наступающую неделю, от этого будет зависеть и мой отпуск. Во всяком случае, приходится второй раз на веку проводить Академический праздник 30 Июня в Петербурге и быть в Академической церкви». В 1897 году он писал своему товарищу: «Мое здоровье, сравнительно с другими мне подобными, обстоит довольно сносно; по крайней мере то факт, что я остаюсь еще на земной поверхности, тогда как судя по тому, что всякими требованиями гигиены я пренебрегал столько времени – я с полным основанием мог бы отправиться *ad patres*». И за сим следуют вышеприведенные слова о ревматизме, болезни желудка и труповидной физиономии... Думал-ли он, что сил его еще достаточно будет для того, чтобы вынести всю тяжесть поднятых им на себя и возлагаемых на него другими трудов и поручений, или и здесь хотел «плыть по течению», как и в других не менее важных обстоятельствах своей жизни – трудно решить, но только болезнь, хроническое воспаление почек (Nephritis), осложненная геморроидальными страданиями, – делала свое дело и быстро приближалась к той стадии, когда уже бессильною становилась всякая медицинская помощь.

Что он не берегся и непринимал своевременных мер к своему излечению исключительно потому, что был обременен трудами, которым он всецело посвятил свою жизнь, – это бесспорно. Везспорно и то, что в отношении своего здоровья, после смерти матери, он положился всецело на волю Провидения. «Во время зимы (1899 года), пишет он, 18xx99 г., мне не раз приходилось прихварывать, и – с ужасом думать: что если матушка, в ее беспомощной старости, да переживет меня? Теперь снял Господь этот камень с сердца, и когда – чрез годы или через месяцы – повелит и мне идти «в путь всея земли», Его святая воля... Пока время тянулось с делами академическими. Развязавшись с ними... пришлось, по настояниям многих, подумать и о своем лечении. Но в это глухое время не легко добыть в Петербурге доктора с именем сколько нибудь известным. Я профессора Сиротинина не застал ни 14 ни 21 числа. Лишь сегодня я мог с ним посоветываться и – определить, как мне придется проводить вакацию. К моему удивлению, моей болезни очень серьезно не считает; только моя

печень обогнала мои годы жизни лет на шесть; по печени я должен считать себя человеком уже перевалившим за 50. Но диета, на которую я посажен, такова, что не отпускает меня ни на шаг от аптеки: пить каждый день по 2 полстакана теплых минеральных эмских вод. И эта диета должна без перерыва продолжаться в самом благоприятном случае 6 недель. Очевидно это не позволит мне в нынешнем году отлучиться в Кравотынь».

Неприезд Вас. В-ча на каникулы в лето 1899 года сильно встревожил его друзей, заставляя их опасаться за состояние его здоровья. Двое из них, спешили приглашением посетить и провести у них лето в нынешнем году. И вот с какою грустию он отвечает одному из них: «Вы себе представить не можете, что ваша речь о «будущем годе» заставляет меня почти – улыбаться... Очевидно вы и не догадываетесь, что я стал за развалина и в каком далеком тумане мне рисуются даже концы месяцев, – не то, что будущий год!» В прошлом великом посту чувствовалось особенно тяжело, и не раз, уходя в пятницу из аудитории, я ставил себе вопрос, не в последний-ли я раз сволок свои ноги до Академии? Мое здоровье несомненно идет под гору. Пальятивныя «улучшения» длятся только на какия нибудь недели... Стряпня с эмскою водою Kränchen-Bruppen меня как будто чуточку поправила, но уже теперь приходится проделывать этот курс снова... Дел... неубывает: несомненно они – то идут в гору!... И так про будущий год лучше молчать!»...

Наконец ровно за три месяца (19xxx00) до своей кончины он пишет: «Очень сожалею о Вашей тревоге из за меня... мое здоровье, правда, очень не важное – ревматизм не любит давать ни отдыха, ни сроку, – всетаки позволяет мне волочить ноги и писать письма. Но и пред Рождеством и пред новым годом помешал переписке со всеми налетевший шквал дел; время на святках, отведенное на переписку с вами, улыбнулось потому, что потребовался экстренный (совсем не ожидаанный: прислано дело с коротким ордером: или сегодня вечером или завтра по утру) доклад у В. М.... Словом, мое исключительно-привилегированное положение под час сказывается неудобствами... Желая вам доброго здоровья, – этого блага, которое человек начинает ценить по настоящему лишь тогда, когда оно утрачено!... Это было последнее его словечко к лицам близким ему, на его родине!...

22 Марта сего года Вас. В-ч уже не в состоянии был более двигаться и слег в постель. Но и слегши он не мог отрешиться от своих занятия: «лежа в постели он читал и просматривал вновь полученные им издания по церковной истории Египта и другия научныя новинки, только что присланныя ему из заграницы. Присутствовавший при нем в последние дни и минуты его жизни, его collega по Академии и друг проф. Иван Саввич Пальмов, наблюдал таковыя его занятия не только 22 Марта, но даже и 23 Марта, следовательно, накануне и в самый день отправления Вас. В-ча в больницу Кресто-воздвиженской общины. И отправляясь в больницу, он взял с собою несколько

книжек, которых ему однако не удалось читать...

Переселение в больницу Вас. В-ч предпринял по совету друзей, и с благословения владыки – митрополита, где, благодаря вниманию председателя совета общины товарища обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблера предоставлены были больному всевозможные удобства и самый заботливый уход...

Но уже спустя три дня по поступлении в больницу у больного обнаружили эпилептические припадки, страшно ослабившие и без того уже надломленный его организм. Собравшаяся консультация медицинских сил констатировала наступивший острый период болезни, с которым медицина была бессильна бороться. Силы больного ослабевали... «Владыка – митрополит, преосвященный ректор Академии, В. К. Саблер, многие сослуживцы и близкие знакомые по профессии посещали его в больнице, молитвенно желая ему выздоровления».

Но увы! Роковой конец близился... Правда, на кануне смерти, 4 Апреля он почувствовал себя лучше, но 5-го положение его сделалось совсем тяжким. Уведомленные немедленно друзья его, профес. П. Н. Жукович и И. С. Пальмов, поспешно явились в больницу. «Больной в этот день приобщился Св. Таин (уже в третий раз во время своей болезни); местный больничный священник о. А. П. Васильев, напутствовал его молитвою об исходе души. После этого больной как-бы ожил, узнал пришедших к нему сослуживцев и друзей». Вскоре прибыли в больницу и другие его сослуживцы. Физические силы Вас. В-ча слабели более и более... Сознание его то исчезало, то снова появлялось и в эти моменты он старался говорить, не смотря на то, что начавшийся отек легких сильно ему в этом препятствовал. Еще за три часа до смерти он произнес следующие знаменательные слова: «Как прекрасны предсмертные минуты!» А спустя час сказал: «умираю!» Не смотря на тяжелые физические страдания, он переносил их с замечательным терпением, все время продолжая сохранять жизнерадостное настроение и не переставал произносить, хотя и с трудом, отдельные слова и выражения, из которых можно было разобрать только: «Иду ко кресту», «Христос идет», «Бог идет», да еще несколько слов на непонятных для присутствовавших языках». «Видимо, мысль больного еще работала, но орган речи был затруднен... Только за четверть часа до смерти больной перестал говорить, и после того, тихо спокойно, без всякой огонии, стал как-бы засыпать, постепенно сам закрывая глаза и слагая на перси свои руки... Это было между 7 и 7 ч. 10 м. вечера, 5 Апреля, во время всеобщего бдения на великий четверг.⁶²⁾

Необычайно торжественны и глубоко трогательны были похороны Василия

Васильевича, совершившиеся в великую субботу 8 Апреля, после божественной литургии, совершенной Преосв. Борисом, ректором Академии. В церковь собралась не только вся Академическая семья нынешних дней, но и многие представители прежних поколений Академических учеников почившего профессора, а также все другие его почитатели, связанные с ним узами глубокой любви и научного родства. Во время литургии и отпевания было произнесено множество речей столь сердечных и искренних, исполненных и глубокой тоски и радостной гордости за общую славу в лице знаменитого почившего, что их, по справедливому выражению П. Н. Ж., хотелось слушать более и более... Полностью они напечатаны в «Церковном Вестнике», (№ 16, 1900 г.). Приведем из них только выдающиеся глубокоистинные и глубокопоучительные места, заключающие в себе в тоже время и биографические черты. Прежде всего должны быть всегда памятуемы слова проф. Т. Налимова: «Неумолимая смерть уносит из нашей среды самого могучего, самого ревностного труженика невольно возбуждавшего чувство притрепетного изумления мощью своего духа, – уносит того, кто один в силах был заменить и всегда с готовностью заменял едва-ли не каждого из нас и кого одного все мы теперь заменить не сможем... Во мрак гроба нисходит лучезарнейшее светило духовной науки русской, нисходит во всем блеке своих лучей, едва совершив половину своего жизненного пути,... человек, поставивший служение истине единою целью для себя не только в науке, но и в жизни, чуждой всякого тщеславия в отношении к себе и лицепрятия в отношении к другим и эту высоту и чистоту своего нравственного характера ставший как бы зеркалом нашей совести... Не часто встречаются такие... глубокие, всеобъемлющие, творческие умы, твердые характеры (и) чистые сердца; а сочетание всего этого в единой личности – явление прямо исключительное... А между тем из глубины совести раздается еще голос укора за то, что мы плохо берегли это редкое сокровище, и не только не берегли, но прямо злоупотребляли его пламенной ревностью к труду, его готовностью всем помочь, всегда послужить науке и общему делу»...

Студент старшего курса В. Успенский говорил: «В наше время, когда так чуждаются жизни внутренне-духовной, когда жизненные идеалы так принижены, и люди охотно мирятся на внешних преимуществах, – силе, богатстве, знатности и проч.; когда все более и более распространяется теория, открыто провозглашающая такой строй жизни вполне нормальным и единственно возможным: тогда такие герои духа, как ты, дорогой учитель, имеют особенно великое значение. Они светочи – в окружающем общественном мраке: тем, кто не сочувствует тому течению, кто знает, что не здесь истина, такие люди могут оказать поддержку, могут служить опорой. Самым своим существованием они убедительнее всяких речей говорят, что жизнь

---

⁶² Из статьи И. С. Пальмова. Церковный Вестник 1900 г. №-16, стр. 502–503.

отданная на служение идее, ради нея оставившая и забывшая все на свете, возможна на земле, они воздействуют на самое сердце, служа живым укором для всех, живущих иначе, они будят общественную совесть. И конечно духовно-нравственное влияние таких героев духа не кончается их смертью»...

Высшим украшением и завершением печального торжества последнего прощанья с останками Василия Васильевича было прочтение преосв. Борисом ВЫСОЧАЙШЕЙ телеграммы из Москвы, следующего содержания: «ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было выразить С.-Петербургской Духовной Академии Свое соболезнование по поводу тяжелой утраты ею понесенной со смертью профессора Василия Васильевича Болотова, ученые труды которого были известны ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ». Это – честь, внимание и награда, которых удостоиваются, конечно, редкия, исключительныя лица.

Мир праху твоему, – достойнейший из людей!